

ТОМАС ГАРДИ

ДЖУД

НЕУДАЧНИК

Томас Харди
Джуд неудачник

«Public Domain»

1896

Харди Т.

Джуд неудачник / Т. Харди — «Public Domain», 1896

«Школьный учитель оставлял село, и все обитатели его казались грустными. Мельник из Крескома дал ему небольшую крытую повозку с лошастью для перевозки пожиток в город к месту его назначения, миль за двадцать отсюда. Эта колесница оказалась совершенно достаточно вместительною для имущества уезжавшего педагога. Дело в том, что часть домашней обстановки учителя была доставлена администраторами и составляла принадлежность школы, а единственный громоздкой предмет, принадлежавший учителю, в дополнение к чемодану с книгами, заключался в деревенском фортепиано, купленном им на одном аукционе в тот год, когда он мечтал об изучении инструментальной музыки. Потом этот пыл прошел, – оказалось, что учителю не суждено отыскать и развить в себе музыкальный дар, и купленный инструмент сделался для него вечным мучением при перекочевках с одного места на другое...»

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Томас Гарди

Джуд неудачник

Часть I

Меригрин

«Многие сошли с ума из-за женщин и сделались рабами чрез них. Многие погибли и сбились с пути и согрешили через женщин... О мужи! Как-же не сильны женщины, когда так поступают они?»
2 Ездры, IV, 26. 27. 32.

I

Школьный учитель оставлял село, и все обитатели его казались грустными. Мельник из Крескома дал ему небольшую крытую повозку с лошастью для перевозки пожиток в город к месту его назначения, миль за двадцать отсюда. Эта колесница оказалась совершенно достаточно вместительною для имущества уезжавшего педагога. Дело в том, что часть домашней обстановки учителя была доставлена администраторами и составляла принадлежность школы, а единственный громоздкой предмет, принадлежавший учителю, в дополнение к чемодану с книгами, заключался в деревенском фортепиано, купленном им на одном аукционе в тот год, когда он мечтал об изучении инструментальной музыки. Потом этот пыл прошел, – оказалось, что учителю не суждено отыскать и развить в себе музыкальный дар, и купленный инструмент сделался для него вечным мучением при перекочевках с одного места на другое.

Директор школы отлучился на этот день, так-как не долюбивал никаких перемен, и не намеревался возвратиться до вечера, когда придет и водворится новый учитель и все опять пойдет как по маслу.

Кузнец, местный староста и сам учитель стояли в недоумевающих позах в гостинной перед инструментом. Учитель заметил, что если он даже и взвалит его на тележку, то все-же не будет знать, что с ним делать по приезде в Кристминстер, город, куда он переезжает, где на первое время ему придется поместиться во временном жилище.

Какой-то мальчик, лет одиннадцати, задумчиво помогавший в укладке вещей, подошел к этим людям, и, когда они почесывали в затылках, он смело проговорил, краснея от звука собственного голоса: «У тетки моей есть большой угольный сарай, куда пожалуй можно-бы поставить фортепиано, пока вы найдете ему у себя настоящее место, сэр».

– Верно сказано, – одобрил кузнец.

Решено было отправить депутацию к тетке мальчика, местной старой деве, спросить ее, поместит-ли она у себя фортепиано, пока м-р Филлотсон пришлет за ним. Кузнец и староста пошли посмотреть, насколько пригодно указанное помещение для рояля, а мальчик и учитель остались вдвоем.

– Жалеешь, что я уезжаю, Джуд? – спросил учитель ласково.

Слезы выступили на глазах мальчика, не смотря на то, что он не был из постоянных дневных учеников, стоявших гораздо ближе к жизни учителя, и посещал вечерние классы только в последнее время. Обыкновенные ученики, сказать правду, в настоящий момент оставались в стороне (подобно известным историческим ученикам), не чувствуя желаний оказать какую-либо энергичную добровольную помощь своему учителю.

Мальчик неловко раскрыл книгу, которую держал в руке, подаренную ему при разлуке на память м-м Филлотсоном, и признался, что жалеет его.

– И я тебя тоже, – сказал м-р Филлотсон.

– Зачем вы уезжаете, сэр? – спросил мальчик.

– Ах, это длинная история. Ты не поймешь моих побуждений, Джуд. Поймешь, пожалуй, когда будешь старше.

– Я думал, что вы сейчас объясните, сэр.

– Ну, хорошо, только не болтай об этом никому. Знаешь-ли ты, что такое университет и университетский диплом? Это необходимый ярлык для человека, желающего достигнуть чего-нибудь в деле преподавания. Мой план или мечта – это сделаться кандидатом богословия и затем посвятиться в духовный сан. Отправляясь на житье в Кристминстер или его окрестности, я буду, так сказать, в главной квартире, и если вообще мой план осуществим, то полагаю, что нахождение в этом пункте даст мне больше шансов для его осуществления, нежели где-либо в другом месте.

Между тем кузнец и его спутник возвратились. Сарай старой мисс Фолэ оказался сухим и весьма удобным, и она охотно согласилась дать в нем помещение для рояля. Поэтому он был оставлен в школе до вечера, когда можно найти более свободных рук для его переноски. Уезжавший учитель бросил последний взгляд кругом.

Мальчик Джуд помогал в укладке кое-каких мелких вещей. В девять часов м-р Филлотсон уселся рядом с своим чемоданом и другими пожитками, и распростился с провожавшими друзьями.

– Я не забуду тебя, Джуд, – сказал он, улыбаясь, когда повозка тронулась. – Помни-же, будь хорошим мальчиком, добрым к животным и птицам, и читай все, что можешь. А если когда попадешь в Кристминстер, то не забудь разыскать меня, по старому знакомству.

Повозка заскрипела по лужайке и исчезла за углом дома ректора. Мальчик возвратился к колодцу у края лужайки, где он оставил свои ведра, когда пошел помогать в сборах своему патрону и учителю. Губы его нервно дрожали, и открыв накрывку колодца, чтобы приступить к спусканию бадьи, он задумался, уставившись головой и руками в блок, причем лицо его выражало серьезность впечатлительного ребенка, которому рано пришлось почувствовать первые уколы жизни. Колодезь, в который он смотрел, был так-же стар, как самая деревня, и при теперешнем положении Джуда казался глубокой цилиндрической перспективой, кончающейся блестящим диском дрожащей воды на глубине сотни футов. Ближе вверху сруба зеленела полоска моха и еще какой-то поросли. Тут мальчик несколько расчувствовался. Вспомнилось ему, сколько раз, вот таким-же утром, учитель накачивал воду из этого колодца. Больше он уж никогда не будет этого делать. «Я видел однажды, как он смотрел в глубь колодца, утомленный вытягиванием ведра, – вот как и я теперь устал, – и как он отдыхал минутку перед тем, как нести ведра домой! Но он был слишком умен, чтобы жить здесь дольше, в такой сонной жалкой деревушке!»

Слезы скатились с его глаз в глубину колодца. Утро было довольно туманное и дыхание мальчика клубилось еще более густым туманом в тихом и тяжелом воздухе. Неожиданный крик вывел его из раздумья.

– Неси что-ли воду-то, лентяй!

Этим восклицанием разразилась какая-то старушка, высунувшаяся из двери близлежащего, крытого тростником, коттеджа. Мальчик живо кивнул головой в ответ, вытянул бадью с большим усилием, так-как был хилого сложения, наполнил пару своих более легких ведер, и, остановившись, чтобы перевести дух, пошел с ними по вязкой лужайке почти в самую середину небольшого селения или, скорее, деревушки.

Деревушка была стародавняя и маленькая и лепилась на взгорье, примыкающем к дюнам северного Вессекса. Впрочем, как ни была она стара, блочный колодезь был вероятно един-

ственной сохранившейся в прежнем виде реликвией местной истории. Много жилых домов с тростниковыми крышами и слуховыми окнами были снесены в последние годы и много деревьев порублено на лужайке. Но прискорбнее всего, что оригинальная церковь, с горбатой крышей, с красивыми архитектурными изломами и деревянными башенками, была так-же разрушена, и кирпич её или разбит на кучи щебня для трамбовки улицы, или пошел на стены свинных закут, садовые скамейки, устройство оград и на бордюры цветочных работок у соседей. Взамен этой церкви появилось высокое новое здание германо-готической архитектуры, чуждой английскому вкусу, воздвигнутое на новом месте каким-то разрушителем исторической старины, примчавшимся из Лондона и в тот-же день уехавшим обратно. Место, где так долго стоял старинный храм в честь христианских святых, не был даже чем-нибудь отмечен на зеленой и ровной лужайке, с незапамятных времен бывшей церковным двором, и только обвалившиеся могилы были увековечены грошовыми чугунными крестами, разрешенными в последние пять лет.

II

Как ни тшедушен был на вид Джуд Фолэ, он нес домой два полные ведра не отдыхая. Над дверью коттеджа имелась прямоугольная синяя дощечка, на которой желтыми буквами было написано: «Булочница Друсилля Фолэ». За маленьким оконцем с мелким переплетом, единственным остатком уцелевшей старины, виднелись пять бутылок с сиропом да три лепешки в плетеной корзинке.

Сливая ведра у заднего крыльца домика, Джуд мог слышать оживленный разговор, происходивший в комнате между его теткой, означенной на дощечке Друсиллой, и зашедшими к ней соседками. Они видели, как уезжал учитель, и теперь обсуждали подробности этого события и пускались в предсказания относительно его дальнейшей судьбы.

– А это кто? – спросила одна из собеседниц, по-видимому не здешняя, когда вошел мальчик.

– Э, охота вам спрашивать, мистрис Вильямс. Это мой племянник, пришедший ко мне уже после того, как вы у меня были здесь в прошлый раз.

Отвечавшая на вопросы обитательница этого жилища была худощавая старушка, говорившая высоким слогом о самых обыкновенных вещах и обращавшаяся поочередно к каждой из собеседниц.

– Он пришел с год тому назад из Мельстока, в южном Вессексе, – плохое место для мальчишки, Билинда! (Она повернулась вправо). Отец его который там жил, был сражен ударом и умер в два дня, как вы знаете, Каролина (Она обратилась влево). Было бы истинное счастье, еслиб Господь милосердый прибрал и тебя за твоими родителями, несчастный бесполезный мальчишка! Но я взяла его к себе, чтобы присмотреться, на что он годен, и должна была предоставить ему какой-нибудь, хоть пустяшный, заработок. Вот теперь он пугает птиц на огороде фермера Траутхэма. Это спасает мальчишку от праздности. Чего ты отворачиваешься. Джуд? – продолжала она, обращаясь к племяннику, заметив, что тот, в смущении от ехидных взглядов посетительниц, отошел в сторону.

Одна из собеседниц, местная прачка, заметила, что вполне одобряет решение мисс или мистрис Фолэ (как они безразлично называли ее) держать его при себе: – Чего же ему лучше, как жить в вашем уединенном обществе, носить воду, закрывать ставни вечером, да маломальски помогать в булочном деле.

Мисс Фолэ сомневалась в этом.

– Почему ты не просил учителя взять тебя с собою в Кристминстер и поместить в школу? – продолжала она с шутиливой серьезностью. – Я уверена, что он ничего лучшего не мог-бы сделать. Мальчик помешан на книгах, – вот он у меня какой! В этом он в наш род

пошел. Его двоюродная сестра Сусанна тоже такая, как я слышала. Но я столько лет уж не видала девочку, хотя она родилась в этом самом домике, – в этих четырех стенах. Вот как дело было. Моя племянница и муж её после свадьбы долго не имели своего дома, а как только обзавелись домиком... нет, уж об этом лучше не распространяться. Смотри, Джуд, никогда не женись, мой голубчик. Не для Фолэ писана такая судьба. Эта племянница, единственная из всех, была мне как родная дочь, Билинда, пока над ней не разразилась беда. Ах, кабы бедняжка знала что будет!

Джуд, видя, что общее внимание опять сосредоточилось на нем, вышел из пекарни, где съел сладкий пирог, приготовленный ему на завтрак. Теперь настал конец его отдыха и он, выйдя из сада через плетень, пошел тропинкой в северном направлении, пока не спустился в обширную и уединенную низину с засеянным полем. Это обширное поле было поприщем его трудов на пользу фермера, м-ра Траутхэма, и мальчик остановился в центре поля.

Серая поверхность посева тянулась кругом в горизонту, где постепенно терялась в тумане, скрывавшем его действительные размеры и обособлявшем от всего окружающего. Единственными приметами на этой однообразной площади были сложенный в прошлогоднюю уборку скирд, стоявший среди пашни, грачи, поднявшиеся с приходом Джуда и тропинка, по которой он спустился в низину. Бог весть кому теперь была нужна эта тропинка, хотя когда-то по ней ходили многие из его умерших родных.

– Как здесь нехорошо! невольно вырвалось у него.

Свежая борозды тянулись подобно дорожкам рубчатого бархата в бесконечную даль, скрадывая перспективу поля и стирая с него мимолетное прошлое последних лет. А между тем в каждом комочке земли, в каждом камне хранилось много воспоминаний и отголосков песен минувших дней жатвы, веселых речей и тяжелых работ. Каждый вершок земли был аренной, где временами разыгрывались энергия, веселье, игры, споры, в перемежку с утомительной работой. Группы собирательниц колосьев кишели на солнце по всему полю. Любовные союзы, давшие население соседней деревушке, заключались здесь между порою созревания и уборки хлеба. Под изгородью, отделявшей поле от далекой плантации, девушки отдавались своим обожателям, которые не захотят и оглянуться на них в следующую жатву. На этом же старом поле не один парень делал предложение девушке, при голосе которой он дрожал в следующий посев, уже закрепив с нею свой союз в соседней церкви. Но ни Джуд, ни окружавшие его грачи, не обращали внимания на эту поэзию, ибо для них это было просто уединенное место. Мальчика оно интересовало как поле его трудовой деятельности, а птиц, как источник зернового корма, который надо клевать.

Мальчик стоял подле скирда, то и дело погромыхивая своей трещеткой. Каждый раз при этом грачи подымались с пашни, но вскоре опять спускались и, недоверчиво поглядывая на мальчика, принимались клевать на более почтительном расстоянии.

Джуд кружил трещетку до того, что рука его онемела. Наконец его сердце смягчилось и уступило упрямству голодных птиц. Грачи, подобно ему самому, жили в свете, который не нуждался в них. Зачем будет он отгонять их от корма? Мальчик все больше и больше видел в них своих друзей и воспитанников, – единственных друзей, на которых он мог положиться, так как грачи были хоть сколько-нибудь заинтересованы в нем, между тем как тетка часто говорила ему, что ей до него нет дела. Он перестал трещать, и птицы снова уселись клевать.

– Бедные, милые птицы! – проговорил вслух Джуд. – Должны же вы иметь себе какую-нибудь пищу. Добра тут довольно – на всех хватит, и вам, и хозяину. Фермер Траутхэм в состоянии прокормить вас. Кушайте же, мои милые грачики, наклейте себе на славу!

Грачи уселись и принялись за свое дело, а Джуд любовался их завидным аппетитом. Сознание общей незащитной доли невольно пробуждало в одиноком мальчике сострадание к этим гонимым птицам.

С этими мыслями он сел на корточки, отбросив в сторону трещетку, как орудие коварное, равно обидное и для птиц, и для него самого, их покровителя. Вдруг он почувствовал сильный удар по спине, сопровождавшийся знакомым звуком, напомнившим его испуганному воображению противную трещетку. Птицы и Джуд всполошились одновременно, и изумленным глазам мальчика представилась важная фигура самого Траутхэма. Красное лицо его злобно уставилось на жертву, скорчившуюся от страха и боли, а рука размахивала подхваченной трещеткой.

– Так ты вот как, дрянной мальчишка! Кушайте – говорит, милые птички, а? Ешь какой добряк нашелся – кушайте! Я вот спущу тебе штаны да и посмотрю, как ты тогда у меня запоешь! – Кушайте, милые птички! Да еще ты смел болтаться у учителя, вместо того, чтоб явиться сюда к своему делу, а? Это так-то ты зарабатываешь свои шесть пенсов в день за пугание грачей с моего поля!

В то время как в ушах Джуда раздавалась эта крикливая ругань, Траутхэм схватил его за руку и гоняя кругом себя, снова стал бить по спине его же трещеткой, так что эхо отдавалось в поле от ударов, сыпавшихся на беднягу при каждом обороте.

– Ой, ой, ой, не бейте, сэр, ради Бога, не бейте! – вопил кружившийся мальчик, перед глазами которого поочередно мелькали холм, скирд, плантация, тропинка, грачи. – Я... сэр... я ведь думал, что ничего... что тут много, и грачи могли маленько поклевать – и вам не будет убытка, сэр – да и м-р Филлотсон учил, чтобы я был жалостлив к животным... Ой, ой, ой!

Это простодушнее объяснение только пуще взбесило фермера, и он продолжал истязание с удвоенным ожесточением.

Наконец, Траутхэн утомился, бросил дрожащего мальчика, вынул из кармана шестипенсовую монету в уплату за его дневную работу, приказав ему убираться домой и никогда не попадаться ему на глаза на этом поле.

Джуд отшатнулся и пошел по дороге, заливаясь слезами, – не столько от боли, хотя и она давала себя чувствовать, сколько от горького сознания, что он окончательно осрамил себя, не прожив и года в этом приходе и что теперь он на всю жизнь должен быть бременем для своей престарелой тетки.

С такими мрачными думами Джуду не хотелось показываться на деревне, и он пошел домой по обходной тропинке через пастбище. Здесь, на сырой поверхности земли, он увидел, как это всегда бывает после дождя, множество свернувшихся земляных червей. Трудно было пройти, чтобы не подавить их.

Но не смотря на только что испытанную обиду, Джуд не в состоянии был причинить зла никакой живой твари. Он не мог принести домой гнезда с молодыми птенчиками без того, чтобы не мучиться за них потом всю ночь, и кончал тем, что утром относил их вместе с гнездом на прежнее место. В детстве он не любил смотреть, как рубят или подчищают деревья, воображая, что это причиняет им боль, – особенно весной, когда сок уже пошел вверх и потом обильно стекает в подрезанном месте. Такая слабость характера, – как пожалуй можно назвать эту черту, – указывала, что Джуд был из категории неудачников, которым суждено много пострадать прежде, чем падение занавеса на их ненужную жизнь навсегда успокоит их от всех невзгод и треволнений... И мальчик старательно пробирался на цыпочках между червями, так чтобы не давить их.

Когда он вернулся домой, тетка отпускала копейную булку маленькой девочке.

– Что это значит, что ты изволил вернуться среди дня?

– Меня прогнали.

– Что-о?

– М-р Траутхэм уволил меня за то, что я позволил грачам поклевать немного на его поле.

Вот и заработок – последний в моей жизни!

И мальчик с сердцем бросил на стол шестипенсовую монету.

– Хорош! – воскликнула тетка, едва сдерживая свой гнев, и принялась отчитывать его. Ведь ей придется теперь всю весну держать его у себя на шее, без всякого дела. – Уж если ты не можешь пугать с поля птиц, так что-же ты можешь-то? спасибо, нечего сказать! Да не смотри таким волком. . . Так вот каков этот м-р Траутхэм, – ну, не ожидала. Впрочем, как справедливо говорил Иов многострадальный: «А ныне смеются надо мною младшие меня летами, те, которых отцов я не согласился-бы поместить со псами стад моих». – Как никак, а его отец был в поденщиках у моего отца, и дура я, что позволила тебе наняться к этому нахалу, который годился бы только разве для того, чтобы вытащить тебя из грязи.

Вообще тетка сердилась на Джуда больше за то, что он оскорбил ее службою у такого презренного человека, нежели за неисправное исполнение своей обязанности.

– Но это и я скажу: не следовало тебе позволять птицам клевать посев фермера Траутхэма. В этом ты, конечно, был не прав. Эх, Джуд, Джуд, – продолжала она, – почему ты не поехал с этим твоим учителем в Кристминстер или еще куда-нибудь? Нет, уж видно таким олухам нет счастья. . . Из твоей семьи никогда не выходило путного человека, и никогда не будет!

– А где этот чудный город, тетушка, куда отправился м-р Филлотсон? – спросил мальчик после некоторого раздумья.

– Ах, Боже мой, да тебе пора уж знать, где Кристминстер. Всего миль двадцать отсюда. Этот город слишком хорош для тебя и тебе там совершенно нечего делать, – вот что я думаю, мой бедный мальчик.

– А м-р Филлотсон всегда там будет?

– А я почем знаю!

– Могу-ли я сходить повидать его?

– Ах, Джуд, если бы ты был поумнее, ты не делал бы подобных вопросов. Ни нам не приходилось иметь никакого дела с жителями Кристминстера, ни жителям Кристминстера с нами.

Джуд вышел и, чувствуя более чем когда-нибудь свое одинокое, никому ненужное существование, прилег на подстилку у свиного хлева. Туман тем временем несколько рассеялся и сквозь него тускло просвечивало солнце. Он натянул на лицо соломенную шляпу и в тяжелом раздумье смотрел чрез её просветы в туманную даль. Он понимал, что возраст налагает известную ответственность.

Но факты не согласовались с его представлениями. Естественная логика вещей казалась ему слишком несимпатичной, чтобы принимать ее во внимание. То обстоятельство, что сострадание к живым существам одного вида оказывалось жестокостью относительно другого, оскорбляло его чувство нравственной гармонии. Когда человек приходит в возраст и чувствует себя в центре природы, а не на какой, либо точке её окружности, как он чувствовал это ребенком, им овладевает какой-то безотчетный ужас, думалось Джуду. Все кругом казалось ему чем-то ослепительно ярким, веселым, шумным, и весь этот шум и яркий блеск обрушивался на его маленькую ячейку, называемую жизнью, потрясал и опалял ее.

Ах, еслиб он только мог остановить свои годы! Он не желал быть взрослым.

И вот, как дитя природы, мальчик скоро забыл свое отчаяние и вскочил на ноги.

После обеда, он прошел на деревню. Здесь он спросил у одного обывателя, где город Кристминстер.

– Кристминстер? А это должно вон в той стороне, хоть я там никогда не бывал. В этом городе у меня никогда не было никакого дела.

Прохожий указал на северо-восток, в направлении, где находилось то самое поле, на котором так осрамился Джуд. Хотя такое совпадение было не особенно приятно, но оно только усилило его желание попасть в этот город. Что за важность, что фермер запретил ему показываться на этом поле; – полевая тропинка была для всех. И вот, выбравшись незаметно из деревни, Джуд спустился в ту самую ложбину, которая была в это утро свидетельницей его позора и,

не сворачивая с злополучной тропинки, долго карабкался утомительным подъемом по другую сторону низины. Наконец он выбрался на большую дорогу у маленькой группы деревьев. Здесь пашня кончилась, и перед ним развернулась незнакомая ему обширная равнина.

III

Ни души не было видно на большой дороге, ни по сторонам её, и в перспективе казалось, будто белая дорога все подымается и, постепенно суживаясь, тонкою лентой уходит в небо. На самом подъеме она пересекалась оригинально старою римскою дорогою, проходившею чрез этот округ. Древний путь шел далеко, разветвляясь к востоку и западу, и в прежнее время служил для прогона стад и табунов на ярмарки и базары. Но теперь дорога была брошена и заросла травюю.

В эту сторону Джуд никогда не заходил так далеко от своей укромной деревушки, куда он был приведен носильщиком со станции железной дороги, одним темным вечером, несколько месяцев тому назад. До настоящего времени он и не подозревал, что такая обширная равнина находилась так близко под рукою, у самой границы его нагорной страны. Пред ним расстилась вся северная часть горизонта, на расстоянии сорока или пятидесяти миль; воздух был заметно более синим и влажным сравнительно с тем, которым он дышал дома.

Недалеко от дороги стояла разрушенная непогодой старая рига из побуревшего кирпича, крытая черепицей. В этом околдке она была известна под именем браун-хауза. Джуд уже хотел миновать ее, как заметил, что к крыше приставлена лестница. Он решил воспользоваться ею, чтобы взглянуть в даль, для чего свернул с дороги и пошел к риге. На гребне крыши два работника сменяли черепицы.

Поглазев сначала на работу, мальчик собрался с духом и поднялся по лестнице к кровельщикам.

– Тебе что здесь нужно, приятель? – спросил незнакомца один из рабочих.

– Мне желательно-бы узнать, далеко-ли город Кристминстер. Коли знаете, скажите, пожалуйста.

– Кристминстер вон там, за той рощей. В ясный день его даже видно отсюда. А сейчас, пожалуй, трудно разглядеть.

Другой кровельщик, радуясь всякому отвлечению от скучной работы, тоже обернулся посмотреть в указанном направлении.

– Не всегда удастся видеть город в такую погоду, как нынче, – сказал он. – Для этого самое удобное то время, когда солнце закатывается ярким заревом. Тогда город представляется – уж я и не знаю чем...

– Небесным Иерусалимом, – подсказал молчаливый парень.

– Да, хотя, признаться, я этого еще не замечал... Только нынче я что-то не вижу никакого Кристминстера.

Джуд тоже, сколько ни тарашил глаза, не мог разглядеть далекого города. Он спустился с крыши и с легкомыслием ребенка, позабыв о Кристминстере, пошел бродить дальше, высматривая, не попадется-ли чего интересного вблизи. Проходя мимо риги на обратном пути в Мери-грин, Джуд заметил, что лестница стояла по-прежнему, но люди окончили свою работу и ушли.

День склонялся к вечеру; все еще стоял легкий туман, но он несколько прояснился, за исключением более влажных мест и по течению реки. Мальчик вспомнил опять о Кристминстере, и раз он отошел так далеко от дома тетки в этом направлении, – ему захотелось теперь же увидеть замечательный город, о котором он столько наслушался. Но еслиб он и решился подождать здесь, трудно было рассчитывать, что туман рассеется до наступления ночи. Однако он не хотел расставаться с этим местом, поднялся по лестнице, желая еще раз посмотреть в указанную ему сторону, и уселся на самом гребне крыши. Помолвившись про себя, чтобы поскорее

разошелся туман, застилавший Крестминстер, он стал ждать. И вот мало-помалу редевший туман разошелся совсем, пред заходом солнца облака унеслись и догоравшие солнечные лучи опять выглянули между двумя грядами серых облаков. Джуд тотчас-же стал всматриваться в указанном направлении.

В некотором отдаления, на открывшейся площади, заблестели как топазы какие-то светлые точки. Вскоре ясность воздуха позволила угадать в этих точках очертания флюгеров, окон, мокрых черепичных кровель и шпицев на церквях и других высоких зданиях. Это несомненно был Крестминстер, или в его настоящем виде, или отраженный в виде марева в своеобразном прозрачном воздухе.

Джуд не отрываясь продолжал смотреть на заманчивую панораму незнакомого города, пока окна и шпицы не перестали отливаться и блестеть на солнце. Они потускнели внезапно, словно потухшая свечка. Таинственный город снова закутался в туман. Обернувшись на запад, Джуд увидел, что солнце скрылось. Передняя часть ландшафта погрузилась в густой мрак и ближайшие предметы принимали форму каких-то привидений.

Мальчику стало жутко и он, сойдя с лестницы, пустился домой бегом, стараясь не думать ни о каких ведьмах, великанах и прочих ночных чудовищах. Хотя Джуд и вырос из веры в такие ужасы, но все-же был рад несказанно, когда увидел церковную колокольню и огни в окнах теткинго домика.

В этом домике с его «булочной» форточкой в окне, с переливающимися разными цветами старыми стеклами, Джуд нашел себе приют на долгие безрадостные годы. Но грезы его были столь-же беспредельны, как тесна и мизерна была его обстановка.

За массивным барьером мелового нагорья, простиравшагося к северу, его воображению постоянно представлялся пышный город, уподобленный им новому Иерусалиму. Быть может, этот идеал далеко не соответствовал действительности. Но как-бы то ни было, сам город приобрел известную реальность, устойчивость, оказывал влияние на жизнь пылкого мальчика, и главным образом в силу того микроскопического обстоятельства, что человек, пред знаниями и целями которого Джуд преклонялся, действительно жил в этом городе, и не только жил сам по себе, но среди наиболее ученых и развитых людей.

Джуд, конечно, понимал, что в дождливое время года и в недалеком Крестминстере тоже идет дождь, но с трудом мог себе представить, что там такая-же унылая дождливая погода, как и в их деревне. Как только ему удавалось урваться из дома на часок-другой, что бывало не часто, он пробирался к браун-хаузу на горке и пристально вглядывался в даль. Иногда любопытство его вознаграждалось видом отдаленного собора или высокого шпица, или он различал курящийся дымок, представлявшийся ему при его мистическом настроении восходящим к небу фимиамом.

Раз как-то ему вздумалось попасть к месту наблюдения после сумерок и пройти мили на две подальше, в надежде увидеть вечерние огни города. Положим, тогда придется возвращаться ночью и одному, но даже это соображение его не останавливало, а только возбуждало опасную решимость.

Сказано – сделано. Было еще не поздно, – сумерки только-что наступили, когда Джуд пришел к излюбленному месту, – но хмурое облачное небо при резком северном ветре делало ландшафт грустным и мрачным. Джуд был доволен, хотя уличных огней еще не было видно; над городом еще разливалось потухающее зарево заката, причем самый город представлялся в расстоянии около двух миль.

Всматриваясь в перспективу города, Джуд дал волю своей фантазии и размечтался о его улицах, домах, жителях, о счастливом учителе. Вдруг пахнул ветерок и с его дуновением что-то донеслось до слуха Джуда, точно желанная весточка из города... Вероятно это был звон колоколов, нежный и музыкальный, как-бы говоривший ему: «Как хорошо у нас, как все счастливы здесь!»

Джуд был выведен из своего сладкого забытья самым прозаическим обстоятельством. Невдалеке от него тихо спускался с отлогой горы воз с углем. Такой груз в нагорную страну только и можно было провезти этой дорогой. Воз сопровождали фурман с подручным, тормозившим теперь задняя колеса, чтобы дать утомленным лошадям продолжительный отдых. Фурман достал с воза фляжку и стал пить сам и угощать товарища.

Оба восчика были уже немолодые люди, с мужественными голосами. Джуд обратился к ним с вопросом, не едут-ли они из Кристминстера.

– Боже упаси, с таким-то грузом! – воскликнули восчики.

– Город должно быть вон там.

Джуд идеализировал Кристминстер с нежностью молодого любовника и из застенчивости не решился вновь повторить название города. Он указал им на полоску догорающей зари, едва заметную для немолодых глаз.

– Да, пожалуй. Там в северо-восточной стороне как-будто что-то светлеется, хотя я сам и не разгляжу хорошенько; надо думать это и есть Кристминстер.

В эту минуту маленькая книжка, бывшая у Джуда под мышкой, выскользнула и упала на дорогу. Фурман многозначительно смотрел на мальчика, когда тот, подняв книжку, расправлял её растрепанные листы.

– Эх, малыш, – внушительно заметил он, – да у тебя голова треснет за чтением таких книжек, прежде чем ты сумеешь понимать то, что читают ученые люди в том городе.

– А что? – спросил мальчик.

– Да то, что они и глядеть-то не станут на наши глупые книжки, – продолжал философствовать фурман, чтобы убить время. – Они только и читают на тех языках, что были в ходу до потопа, когда не было двух семей говоривших на одном языке. Они завывают на этих языках не хуже инога филина, и все там наука, одна наука, за исключением религии. Положим, это тоже наука, потому что я никогда не мог уразуметь её. Да, это очень глубокомысленный городок...

– Но откуда вы все это знаете?

– А ты не перебивай, мальчик. Никогда не перебивай старших. Сверни-ка переднюю лошадь в сторону, Боб, а то вон кто-то едет. Ты послушай, что я скажу тебе о жизни в ихних колледжах. Учителя держат себя там очень гордо, это уж нечего сказать; хотя я об них не больно высокого мнения. Вот как мы стоим здесь на видимой высоте, так и они возвышаются умственно; все люди благородного характера, иные из них умеют зарабатывать сотни размышлением вслух или проповедью. Что-же касается до музыки, то в Кристминстере дивная музыка на каждом шагу. В городе есть одна улица – главная называется – так другой подобной в свете нет. Да, могу сказать, что кое-что знаю о Кристминстере.

Между тем лошади отдохнули и восчики опять тронулись в путь. Джуд, бросив последний восхищенный взгляд на алевший горизонт, обернулся и пошел рядом с своим замечательно сведущим приятелем, который дорогой охотно продолжал свои разглагольствования о городе, – его башнях, галереях и церквах. Вскоре воз свернул с этой дороги, и Джуд горячо поблагодарил фурмана за сообщенные им сведения, сказав ему на прощанье, что желал-бы уметь хоть вполовину так завлекательно рассказывать о Кристминстере, как он.

– Пустяки, ведь это только то, что мне случайно пришлось узнать от других, – скромно отозвался фурман, – Я, как и ты, признаться, никогда там не был; – собирал эти сведения где случалось, и чем богат, тем и рад поделиться. Кто пошатается по белу свету, как я, соприкасаясь со всеми слоями общества, тот поневоле наслушается много всякой всячины обо всем. Один приятель мой занимался еще мальчишкой чисткой сапог в одной гостиннице, в Кристминстере, так вот я знал его в последнее время все равно как своего родного брата, вот что!

Джуд продолжал обратный путь один, до того занятый своими мечтами, что позабыл за ними всякий страх. Он вдруг как-то возмужал. Его сердце стремилось найти какую-нибудь точку опоры, за которую он мог-бы уцепиться, – найти такое место, которое могло-бы очаро-

вать его. Найдёт-ли он желаемое в этом городе, если ему удастся попасть в него? Может-ли от там, не боясь ни фермеров, ни каверз и насмешек, спокойно выждать возможности пристроиться, согласно своему призванию, к какому-нибудь делу? И этот город, среди окружавшей его умственной тьмы, казался ему таким-же светлым, как вот эти городские огни на ночном горизонте, на которые он только-что засматривался.

«Это город света», подумал Джуд про себя.

«Древо познания растет там», прибавил он немного спустя.

«Место, откуда выходят и куда приходят наставники человечества».

«Своего рода крепость, вооруженная ученостью и религией».

Призадумавшись на минуту после этой метафоры, он прибавил:

«Вот это как раз и будет то, что мне нужно».

IV

Занятый своими мечтами, Джуд шел довольно медленно. Почти взрослый по умственному развитию, он был много моложе своих лет во всех других отношениях. Вскоре его нагнал какой-то быстроногий пешеход. Несмотря на сумерки, мальчик мог, однако, разглядеть невзрачную внешность незнакомца: его непомерно высокую шляпу, неуклюжий сюртук и часовую цепочку, отчаянно мотавшуюся и сверкавшую в отблеске ясного неба, при каждом шаге ковыляющих тонких ног в бесшумных сапогах. Джуд, начинавший тяготиться своим одиночеством, предложил ему идти вместе.

– Отлично, молодой человек! Только я спешу и вам надо не отставать, если хотите идти со мною. А вам известно, кто я?

– Если не ошибаюсь, вы доктор Вильберт?

– О, я вижу меня везде знают! А все от того, что я общий благодетель.

Этот Вильберт был странствующий врач-шарлатан, хорошо известный всякому сельскому обывателю, но зато неизвестный никому другому. Впрочем, эта неизвестность была в его интересах, так как избавляла его от нежелательного вмешательства некоторых лиц. Обитатели коттеджей были его единственными пациентами, и его распространившаяся на весь Вессекс репутация поддерживалась только в этой сельской среде. И положение его и практика были много мизернее сравнительно с шарлатанами более высокого полета, располагавшими капиталом и организованной системой рекламы. Он был в сущности пережитком доброго старого времени. Расстояния, проходимые им пешком, были громадны, простираясь почти во всю длину и ширину Вессекса. Джуд видел однажды, как он продал баночку с подкрашенным салом одной старухе за верное средство от ревматизма в ноге, причем бедная женщина должна была заплатить гинею за целебную мазь, которая, по уверению шарлатана, добывалась только из одного редкого животного, пасущагося на горе Синае, каковое животное удастся изловить лишь с риском получить смерть или увечье. Джуд, по наслышке об этом господине, сильно сомневался в полезности его лекарств, но за то считал его человеком бывалым и опытным, представлявшим собою верный источник сведений по вопросам, неимевшим прямого отношения к его профессии.

– Я полагаю, доктор, вам случалось бывать в Кристминстере?

– Бывал, – много раз, – ответил высокий тщедушный спутник. – Это один из центров моей деятельности.

– Говорят, это замечательный город для изучения всяких наук и особенно богословских.

– В этом вы убедитесь, молодой человек, когда его увидите. Вообразите, что даже сыновья старух, стирающих белье в колледже, могут говорить по латыни – положим, – как компетентный судья, я оговорюсь, – не на хорошей латыни, а на собачьей, как мы называли ее в школьные годы.

– А по-гречески?

– Ну, это уж больше для людей готовящихся в епископы, чтобы читать Новый Завет в подлиннике.

– Я тоже хочу учиться латинскому и греческому языкам.

– Похвальное желание. Вам надо будет приобрести грамматики этих языков.

– Я намереваюсь как-нибудь пройти в Кристминстер.

– Когда вы там будете, говорите всем и каждому, что доктор Вильберт – единственный собственник знаменитых пилюль, без промаху излечивающих все расстройства пищеварительной системы, а также астму и прочие пороки дыхания. Цена два и три пенса за коробку. Пилюли мои разрешены особым актом с приложением казенной печати.

– А не можете-ли вы мне достать эти грамматики, если я обещаю говорить о ваших пилюлях?

– Отчего же, я с удовольствием продам вам свои учебники, по которым сам учился в школе.

– Благодарю вас, сэръ! – признательно ответил Джуд, едва переводя дух, так как скорая походка голенастого доктора заставляла мальчика поспевать за ним в припрыжку, от чего бедняга почувствовал даже колотье в боку.

– Я полагаю, не лучше-ли вам приотстать, молодой человек. Теперь слушайте, что я вам могу предложить! Я, так и быть, уступлю вам свои грамматики и дам вам первый урок, если только вы не забудете в каждом доме в вашей деревне рекомендовать золотую мазь, жизненный эликсир и пилюли от женских болезней доктора Вильберта.

– А где вы передадите мне грамматики?

– Видите-ли, мне придется проходить здесь ровно через две недели в этот самый час, в двадцать пять минут восьмого. Мои передвижения рассчитаны с того же неизменной точностью, как движение планет в их мировом круговращении.

– Я буду здесь чтобы встретиться с вами, – заявил Джуд.

– С заказами на мои лекарства.

– Хорошо, доктор.

Тут Джуд отстал, приостановился на минуту, чтобы отдышаться, и пошел домой в полном убеждении, что сделал решительный приступ к завоеванию Кристминстера.

В течение двух следующих недель он много расхаживал по окрестностям и счастливо улыбался своим собственным мечтам, улыбался той блаженной, сияющей улыбкой, которая озаряет иногда молодые лица, увлеченные какой-нибудь великой идеей, точно само лазурное небо спустилось над вдохновенным мечтателем.

Джуд добросовестно исполнил данное доктору обещание относительно многих лекарств, в целебную силу которых он теперь и сам готов был верить, странствуя без усталости по соседним деревням в качестве передового агента врача. Когда же настал условленный вечер, Джуд пришел к тому месту, где расстался с Вильбертом и здесь ожидал его появления. Кочующий доктор прибыл как раз во время, но, к удивлению Джуда, при встрече с ним он нисколько не убавил шага, видимо не узнав своего молодого спутника, хотя на этот раз вечер был светлее. Джуд, полагая, что быть может доктор не признал его в другой шляпе, первый с достоинством поклонился ему.

– Вам что, молодой человек? – проговорил доктор рассеянно.

– Вот я пришел, – сказал Джуд.

– А вы кто такой? Ах да – вспоминаю! Ну что есть заказы, молодой человек?

Джуд ответил утвердительно и при этом сообщил ему имена и адреса деревенских обитателей, желавших испытать на себе чудееа от всемирно-известных пилюль и мази. Все эти сведения шарлатан тщательно закрепил в своей памяти.

– А латинскую и греческую грамматики? – робко спросил Джуд.

– Не понимаю, о каких грамматиках вы говорите.

– Да помните, вы хотели мне принести свои учебники, по которым учились в школе.

– Да, да, да! совсем позабыл о них – что хотите! Вы видите, молодой человек, при той массе жизней, какая зависит от моего внимания, для других вещей я уж не могу уделять столько забот, сколько хотелось бы.

Джуд долго не мог убедиться в правдивости ответа, и повторил с большим огорчением: – Так вы не принесли их!

– Нет. Но вы должны достать мне еще несколько заказов от больных и тогда я принесу вам грамматики в следующий раз, – ответил беззастенчивый эскулап.

Джуд отстал от него. После этой выходки он сразу понял, к каким подонкам человечества принадлежит этот отъявленный шарлатан. Из такого источника нечего было ждать умственного просветления. Мальчик повернул к своей калитке, прислонился к ней и горько заплакал.

Под впечатлением этого разочарования Джуд совсем было приуныл. Он вспомнил, что мог бы выписать грамматики из Ольфредстона, но для этого нужны деньги. Кроме того, нужно знать, какие именно требуются учебники.

В это самое время м-р Филлотсон прислал за своим фортепиано, и это дало Джуду выход из затруднения. Представлялся удобный случай написать учителю и просить его купить ему грамматики в Кристминстере. Джуд может просунуть письмо в ящик с инструментом и оно конечно дойдет по назначению. Пусть придет хоть какие-нибудь старые, поддержанные учебники, которые уж будут милы ему тем, что пропитаны университетской атмосферой.

Сказать тетке о своем плане – значило-бы погубить его; оставалось действовать самостоятельно.

И вот после довольно долгих размышлений, Джуд приступил к делу, и в день отправки фортепиано, совпавший с днем его рождения, украдкой запихал письмо внутрь фортепианного ящика, отправляемого к дорогому покровителю, боясь при этом обнаружить свои махинации пред теткой, чтобы не повредить осуществлению своего заветного плана.

Инструмент был отправлен и Джуд ждал дни и недели, каждое утро заходя в сельскую почтовую контору, еще прежде чем просыпалась его тетушка. И вот наконец пришла бандероль в деревню, и он увидел в ней две тощих книжки. Мальчик ушел с посылкой в укромное местечко и уселся на бревно, чтобы без помехи вскрыть и рассмотреть присланные книги.

С первых же дней своего увлечения Кристминстером и фантастической идеализации этого города и ожидающей его там судьбы, Джуд много и пылливо размышлял о том процессе, посредством которого выражения одного языка переливаются в выражения другого. И вот он наивно решил, что всякая грамматика должна заключать, прежде всего, известное правило, наставление, или ключ к магическому шифру, усвоение которого даст ему возможность, простым механическим приемом, заменять по желанию все слова его родной речи однозначными словами речи иностранной. Отсюда будущий лингвист пришел к смелому выводу, что слова данного языка всегда находятся как-бы скрытыми в словах другого языка, и что люди ученые обладают искусством открывать их, каковое искусство и можно будет почерпнуть из упомянутых учебников.

Увидав на посылке кристминстерский штемпель, Джуд с волнением сорвал обложку и когда взглянул на латинскую грамматику, лежавшую сверху, то едва поверил своим глазам.

Книжонка оказалась старая-престарая, изданная лет тридцать тому назад, вся выпачканная, исписанная всевозможными язвительными выходками против всех грамматик и учебников вообще. Но всего досаднее Джуду было впервые узнать из просмотра учебников, что никакого закона относительно превращения слов из одного языка в другой, как он наивно воображал, не существует, что каждое слово и в латинском и греческом языке необходимо запоминать само по себе, ценою упорного многолетнего зубрения.

Джуд бросил противные книги, растянулся навзничь на широком бревне и долго лежал в угнетенном настроении. По привычке он спустил шляпу на лицо и смотрел на солнце, лучи которого назойливо пробирались к нему в скважинки соломы. – Так вот что за штука эти языки, латинский да греческий! Ловко срезался, нечего сказать! То, в чем он ожидал найти неизсякаемый источник наслаждения, на самом деле требовало невероятного, ужасающего труда.

Какие всеобъемлющие мозги должны быть у учеников высших заведений в Кристминстере – размышлял он теперь – для изучения и запоминания десятков тысяч чуждых слов! Нет, его голова совсем не соответствовала такой работе, и, шурясь от резких солнечных лучей, проникавших к нему сквозь плетенку шляпы, Джуд сожалел, что увидел эти проклятые учебники, и под сокрушительным впечатлением своей жестокой ошибки желал и сам-то исчезнуть с белого света.

V

В продолжении трех или четырех лет после этого случая изо дня в день можно было видеть курьезную повозку, разъезжавшую по дорогам и проселкам в окрестностях Меригрена, управляемую тоже не совсем обычным образом.

Вскоре после получения пресловутых учебников, Джуд стал понемногу забывать злую шутку, сыгранную с ним древними языками. Мало того, его разочарование в свойстве этих языков, с течением времени внушало ему еще большее благоговение пред глубокой ученостью педагогов Кристминстера. Изучение всяких языков, древних или новых, представляло трудности, заключающиеся, как он теперь убедился, в самой их природе, и потому казалось ему геркулесовым подвигом, который сам по себе был для него дороже всякого диплома. Таким образом предстоявшие трудности не только не пугали теперь Джуда, а еще пуше подстрекали его юношескую любознательность.

Он всячески старался не быть в тягость своей суровой тетке, помогая ей по мере сил, и вот дела маленькой деревенской пекарни понемногу расширились. По случаю недорого купили старую клячу с понурой головою, да дешевую скрипучую тележку с верхом, обтянутым холстиной, и в этой скромной запряжке Джуд обязан был три раза в неделю развозить печеный хлеб по окрестным деревням и коттеджам.

Впрочем, оригинальность упомянутой повозки заключалась не столько в ней самой, сколько в том, как разъезжал в ней Джуд по дороге. Внутренность этой кибиточки представляла как-бы его учебный уголок. Как только коняга ознакомилась с дорогой и домиками, у которых ей приходилось останавливаться, Джуд предоставил ее собственному благоразумию в движении по дорогам. Усевшись поглубже, опустит он, бывало, вожжи, за ремень, предусмотрительно прибитый к стенке кибитки, заложит взятый с собою учебник, раскроет на коленях словарь и погрузится в разбор легких отрывков из Цезаря, Вергилия или Горация, запинаясь и спотыкаясь на каждом шагу, но с таким настойчивым усердием, от которого иной добродушный педагог мог-бы умилиться до слез. Впрочем, после долгих усилий Джуд добирался таки до смысла прочитанного, скорее угадывая, нежели понимая смысл подлинника, который иногда далеко расходился с его догадками.

В то время как Джуд корпел над этими старыми истрепанными учебниками, прежние обладатели которых вероятно давно уже покоились в могиле, костлявая старая кляча тихо обходила свой обычный круг, и Джуд отвлекался от классиков остановкой повозки и криком какой-нибудь старухи: «сегодня два хлеба, малый, да вот обратно один черствый!».

Дорогой ему часто встречались пешеходы и повозки, которых он даже не замечал, и вот мало по малу в народе стали болтать, что малый вздумал соединять дело с забавой (как понимала его учение), что, если и было удобно для него, оказывалось вовсе не безопасным для

встречных. Пошел ропот, а вскоре один местный обыватель просил даже ближайшего полицианта запретить мальчику булочницы читать на ходу повозки, и настаивал на необходимости изловить малого на месте преступления и представить в полицейский суд, для ареста за неосторожную езду по большей дороге. Вследствие этого протеста, полициант устроил Джуду, засаду и, застав его однажды с поличным, сделал ему подобающее предостережение.

Так как Джуду приходилось в три часа утра, топить печь, месить тесто и сажать в печку хлеб, который днем он развозил по домам, он ложился спать очень рано, и лишенный возможности читать своих классиков во время развозки товара, должен был совсем отказаться от занятий. Поэтому ему осталось только смотреть в оба, во все стороны, чтобы тотчас-же убирать свои книги, как только кто-нибудь показывался на дороге, – особенно если это был полициант. Впрочем, надо отдать справедливость этому оффициозу, он не особенно следил за проездом Джудовой тележки, рассудив, что в таком глухом месте непосредственная опасность угрожала только самому Джуду, и потому частенько, завидев издалека его парусинную кибитку, оборачивался в другую сторону.

Однажды, когда Джуд, порядочно подвинувшись в своих занятиях – он был теперь уже шестнадцати-летним юношей – скандировал с грехом пополам «Carmen Saeculare», по пути домой, он заметил, что проезжает по высокому нагорью близ браун-хауза. Солнце заходило и одновременно с ним полный месяц выплывал с противоположной стороны. Воображение его было так поражено чудной картиной заката, что он невольно остановил лошадь, слез с кибитки и, оглянувшись, чтобы убедиться, что его никто не видит, опустил на колени на краю дороги с раскрытой книгой в руках. Обращаясь сначала к светлолицей богине, так кротко и ласково взиравшей на его усердие, потом к исчезающему дневному светилу, он начал:

«Plioebe silvarumque potens Diana!..»

Лошадь стояла смиренно, пока Джуд не кончил гимна, который он даже повторил в порыве политеистического одушевления, на что никогда не решился-бы среди бела дня.

По возвращении домой, он долго размышлял о своем странном, далеко не ортодоксальном настроении, не приличном для будущего христианского пастыря. Все это навеяно чтением языческих творений! Чем более он думал об этом, тем более убеждался в своей несостоятельности для избранного поприща. Он опасался, что его пониманию не будут доступны настоящие книги, нужные в духовной профессии.

Ближайшим результатом таких размышлений было то, что Джуд заручился книгами священного писания, на греческом языке, и творениями отцов церкви, надолго ограничив ими свое чтение. Затем по воскресеньям он посещал окрестные церкви, разбирая латинские надписи пятнадцатого столетия на церковной утвари и могильных памятниках. В одно из подобных странствований Джуд встретил очень умную старушку, перечитавшую на своем веку все, что попадалось под руку. Она рассказала ему еще больше о поэтической прелести этого города света и науки, и мальчик настойчивее прежнего решался идти в Кристминстер.

Но как жить в чужом городе? Ведь у него не было никакого заработка. Он не знал никакого ремесла, которым мог-бы существовать во время прохождения учебного курса, требующего, быть может, многих лет труда.

Надо сообразить, что всего нужнее для людей? Ну, конечно, пища, одежда и кров. Заработок от приготовления пищи мизерен; шить платье казалось ему неинтересным, тогда-как к архитектурной работе он чувствовал склонность. Городские жители строят здания, – и вот он будет учиться строительному делу. Джуд вспомнил о своем дяде, отце кузины его Сусанны, мастере по металлу. Следуя по стопам дяди, он не мог ошибиться.

Для начала дела Джуд добыл несколько небольших каменных плит и, приостановив на время учебные занятия, посвящал свои короткие досуги копированию головок и других орнаментов в своей приходской церкви.

В Ольфредстоне был один резчик по камню, хотя и не важный. И вот Джуд, подыскав вместо себя помощника в маленьком деле тетки, предложил этому мастеру свои услуги за ничтожное вознаграждение. Здесь Джуд имел случай присмотреться по крайней мере к приемам каменотесной работы. Спустя некоторое время, он сходил к церковному подрядчику в том-же городе, и с разрешения архитектора, получил работу по ремонту старых церквей во многих селениях по соседству.

Не забывая, что занимается этим ремеслом только временно, в ожидании другой, интеллигентной работы, к которой считал себя более способным, он, впрочем, с увлечением взялся и за настоящее дело. Джуд имел теперь квартирку в этом городке, откуда возвращался в Меригрин каждую субботу вечером.

На этой работе застал Джуда девятнадцатый год его жизни.

VI

В один памятный день его жизни, приходившийся в субботу, Джуд возвращался из Ольфредстона в Меригрин около трех часов дня. Стоял погожий, теплый, нежный летний день и юноша шел с рабочими инструментами за плечами, причем маленькия долотца тихо позвякивали о большие резцы в корзине. По субботам он кончал работу рано, и на этот раз вышел из города обходным путем, по которому обыкновенно не ходил, чтобы, по поручению тетки, зайти на мельницу.

Джуд был в восторженном настроении. Ему грезилось уже как он удобно устроит свою жизнь в Кристминстере и как вступит, наконец, в тот храм науки, о котором так много мечтал. Он мог, конечно, отправиться туда и теперь, но предпочитал вступить в город с большей уверенностью в средствах к существованию. С чувством сладкого самодовольства, вспоминал он все сделанное им за последнее время. Время от времени он оглядывался по сторонам в этой новой для него местности, но весь погруженный в свои заветные думы едвали что-нибудь замечал.

«Я уже сравнился с своими сверстниками в чтении классиков, особенно римских. Прочел кое-что из Гомера, Гезиода, Фукидида и несколько глав Нового Завета... Жаль только, что творения эти писаны на разных диалектах. Ознакомился с творениями отцев церкви, а также с математикой и всеобщей историей.

Все это составляет, конечно, только начало. Но здесь я не могу очень-то заметно подвигаться вперед, уж слишком трудно доставать нужные книги. Следовательно, я должен употребить все усилия, чтобы переселиться в Кристминстер. Устроившись, при тамошних научных средствах, я могу сделать такие успехи, что мне будет просто смешно вспоминать мои теперешния познания. Прежде всего надо скопить денег, и я скоплю, и тогда любой из тамошних колледжей отворит двери мне – юноше, которого теперь он оттолкнул-бы, жди я приема хоть двадцать лет.

Во чтобы-то ни стало, хочу быть доктором богословия!»

Потом мысли его уносились еще дальше; он может сделаться даже епископом, если будет вести нравственную, деятельную, разумную христианскую жизнь. И какой пример он покажет! Если он будет получать пятьдесят тысяч в год, то будет раздавать из них не менее сорока-пяти на разные виды благотворительности и скромно жить на остаток... Однако, пораздумав, он решил, что мечтать о епископстве нелепо. Лучше выдержать экзамен на архидиакона. Ведь в сущности человек может быть так-же добр, умен и полезен в звании архидиакона, как и в сане епископа. Но вслед затем Джуд опять давал волю своему пылкому воображению.

«А тем временем, я поселюсь в Кристмпистере, буду читать авторов, которых не мог достать здесь: Ливия, Тацита, Геродота, Эсхила, Софокла, Аристофана...»

– Ха, ха, ха! Вот чудак-то! – Это восклицание вырвалось у молодой девушки с другой стороны ограды, но Джуд не расслышал его. Мечты его неслись дальше:

«...Еврипида, Платона, Аристотеля, Лукреция, Эпиктета, Сенеку, Антонина. Потом надо изучить всех отцев церкви, Веду и церковную историю; хоть несколько ознакомиться с еврейским языком – пока я знаю только буквы...»

– Вот так чудак! – повторил тот-же голос.

«...но я могу много работать. У меня, слава Богу, сил хватит, даже с остатком!.. Да, Крестминстер будет моей alma mater, а я буду её любимым сыном, которым она будет гордиться».

Размечтавшись об этих будущих трудах, Джуд постепенно умерял свой шаг и теперь остановился, задумчиво глядя в землю, точно на ней посредством волшебного фонаря отражалось это будущее. Вдруг что-то сильно шлепнулось ему в ухо и он увидел брошенный в него из-за плетня какой-то мягкий, холодный комок, упавший к его ногам.

Вглядевшись, он догадался, что это кусок свиного сала, употребляемого в деревнях только для смазки сапог. В этой местности водили много свиней и откармливали их на мясо.

По другую сторону плетня был ручей, откуда, как Джуд впервые теперь заметил, доносились веселые голоса и смех, рассеявшие его мечты. Подстрекаемый любопытством, он встал на вал и посмотрел за ограду. На противоположном берегу ручья стоял небольшой домик, с примыкавшими к нему садиком и свинными хлевами; на берегу сидели на корточках три молодых девушки, с ведрами и блюдами по бокам, наполненными ворохами потрохов, которые они промывали в проточной воде. Незнакомки смущенно взглянули на молодого человека, и заметив, что его внимание было наконец привлечено и что он глядит на них, сейчас-же приготовились к смотру и, прекратив оживленную болтовню, усердно продолжали свои полоскательные операции.

– Ну, позвольте поблагодарить вас! – проговорил Джуд сухо.

– Я-же не бросала, право, – уверяла девушка свою соседку, как бы не замечая присутствия молодого человека.

– И я тоже, – отозвалась другая.

– Ах, Эни, как тебе не стыдно, – заметила третья.

– Еслиб я бросила, так не такую дрянь.

– Фи! а мне до него и дела нет! – отозвалась первая из подруг.

И девушки смеялись и продолжали свою работу, не глядя на Джуда, и укоряли одна другую, пока Джуд с брезгливой гримасой отчищал свой выпачканный рукав. Незнакомка, с которой заговорил Джуд, была темноглазая, полная и здоровая девушка, не особенно красивая, но издали довольно статная и привлекательная. Джуд был почти уверен, что она-то и есть виновница не совсем приличной выходки.

– Ну, этого вам никогда не узнать, – решительно ответили незнакомки на его догадку.

– Согласитесь, однако, что бросать в человека мясом убыточно для его хозяина.

– О, это ничего. Туша принадлежит моему отцу.

– Но ведь этот кусок, вероятно, вам пригодится?

– Да, если вы передадите мне его.

– Что же, прикажете мне перекинуть его вам или вы сами перейдете по мостику и возьмете его?

Девушка видимо желала воспользоваться удобным случаем завязать знакомство и глаза её остановились на Джуде, причем взгляды их встретились и моментально отразили немое признание возможности взаимного сближения.

Вскочив на ноги, незнакомка крикнула:

– Не бросайте! Дайте мне в руки.

Тут Джуд опустил корзину с инструментами на землю, поднял брошенный кусок и перелез через ограду. Они шли параллельно по сторонам речки к узким досчатым мосткам, Здесь они встретились и Джуд протянул свою палку, на конце которой был нацеплен кусок сала. Девушка, смотря в другую сторону, взяла его, как-бы не зная, что делает её рука, и небрежно перебросила его своим подругам. Потом они стали с любопытством посматривать друг на друга.

– Вы не думаете, конечно, что это я бросила кусок? – спросила незнакомка.

– О, нет. Я не понимаю только, что за охота вообще пускаться на такие выходки, – ответил Джуд, вежливо принимая её уверения, хотя и сильно сомневаясь в их правдивости. – Да и как могу я заподозрить именно вас, не зная даже вашего имени?

– Это так. А сказать вам его?

– Скажите!

– Арабелла Дон. Я здесь и живу.

– Ваше имя, конечно, было-бы мне известно, ходи я часто этой дорогой. Но я обыкновенно хожу прямо по большой.

– Мой отец занимается откармливанием свиней, а эти девушки помогают мне промывать потроха для приготовления кровяных колбас и других вещей.

Слово за словом, они все продолжали разговаривать, видимо заинтересованные друг другом, стоя облокотившись на перила мостков. Привлекательная Арабелла невольно приковала Джуда к месту. До этой минуты Джуд никогда не смотрел на женщину, как на женщину, а скорее как на существо, лежащее совершенно вне его жизни и стремлений. Его взгляд перебежал с её глаз на ротик, грудь и полные обнаженные руки, покрасневшие от холодной воды и твердые как мрамор.

– Какая вы миловидная девушка! – смущенно пробормотал Джуд, хотя и без слов было ясно, какое магнетическое действие производило на него её особа.

– Вот посмотрели-бы вы на меня в воскресенье! – кокетливо заметила Арабелла.

– А можно мне с вами видаться? – попытался Джуд.

– Это уж решайте сами. Пока надо много никого нет, но через неделю или две это может измениться.

Она произнесла это с серьезным видом и появившиеся ямочки на щеках исчезли.

Джуд почувствовал какое-то странное, еще неиспытанное влечение, заставившее его спросить:

– А вы позволите мне зайти?

– Заходите. – При этом кокетливые ямочки появились опять. Но Джуд, охваченный общим впечатлением от её наружности, еще не мог оценить этой частности.

– В следующее воскресенье, значит завтра? отважился он дополнить свой вопрос.

– Да.

Лицо Арабеллы слегка вспыхнуло от сознания своей победы, и она, бросив на него очень нежный прощальный взгляд, присоединилась к своим подругам на берегу.

Джуд Фолэ взвалил на спину корзину с инструментами и продолжал свой одинокий путь, обвеянный теперь, как ему казалось каким-то чарующим ароматом. Все мечты его о чтении, труде и учении, еще так недавно и так точно им формулированные, непонятным для него образом бесследно исчезли из его сознания.

«Все это пустяки», подумал Джуд, так как недостатки и странности, замеченные им в характере заинтересовавшей его девушки, заставляли его смотреть на ухаживание за ней, как на мимолетное увлечение, тем более, что он пожимал и все несоответствие её ограниченного развития с его интеллигентными стремлениями и волшебными грезами о Крестминстере. Девушка, открывшая атаку не него таким вульгарным образом, не могла быть весталкой. Он видел это своим внутренним взглядом, но только на одно неуловимое мгновение, как при свете

падающей лампы человек видит предохраняющую надпись на стене прежде чем она скроется во мраке. И вслед затем эта рассудочная сила исчезла и Джуд утратил всякое самообладание пред появлением свежего и необузданного чувства, давшего исход новой душевной потребности, дотоле еще неподозреваемой, хотя уже и назревшей. И вот ему предстояло свидание с этой воспламенившей его представительницей прекрасного пола.

Тем временем девушка снова под села к своим подругам и молча продолжала промывку кишок в светлом ручье.

– Поймала молодчика? – лаконически спросила ее девушка, по имени Эни.

– Не знаю. Жалею только, что не бросила в него чего-нибудь получше! лукаво пробормотала Арабелла.

– Полно, Арабелла, ты думаешь он и Бог знает кто! Ведь это тот малый, что возил из Меригринна хлеб из пекарни Друсилы Фолэ, а потом учился в Ольфредетоне. После того он стал сильно заниматься и всегда читал книжки. Говорят, хочет быть ученым.

– Ах, право, мне все равно, что он такое, и вообще я об нем не думаю. Не воображай, пожалуйста!

– Как-бы не так! Тебе нас не провести! Из-за чего-бы ты стала с ним разговаривать, если бы не хотела залучить его себе? Да и не мудрено – он невинен, как ребенок. Словом сказать, им может завладеть любая девушка, которая сумеет приняться за дело как следует.

VII

На следующий день Джуд Фолэ отдыхал в своей спальне с косым потолком, поглядывая на книги, разбросанные по столу, и на черное пятно от ламповой копоти наверху.

Был воскресный послеобеденный час, ровно сутки спустя после его встречи с Арабеллой Дон. Впродолжении всей прошедшей недели он намеревался употребить нынешний день на повторительное чтение своего Нового Завета, превосходного научного издания, с многочисленными исправлениями и разными версиями в примечаниях. Он гордился этой книгой, смело выписанной прямо от лондонского издателя, – шаг, на который он никогда еще не отваживался доселе.

Он ожидал большего удовольствия от сегодняшнего чтения, под мирным кровом тетки, где он теперь ночевал только две ночи в неделю. Но новые обстоятельства, в связи с важными препятствиями, вмешались вчера в гладкое и бесшумное течение его жизни, и он чувствовал то, что должна чувствовать змея, сбросившая зимнюю кожу и не понимающая яркости и чувствительности своей новой молодой шкурки.

Решив ни за что не идти на свидание, Джуд уселся, открыл книгу, и опершись локтями на стол, опустил голову на руки и начал сначала:

Н КΑΙΝΗ ΛΙΑΘΗΚΗ

Однако, не обещал-ли он придти к Арабелле? Конечно обещал! Бедняжка будет ждать его дома, скучая весь вечер из-за него. К тому-же в ней было что-то невыразимо привлекательное, и помимо всяких обещаний. Ему не следует нарушать её доверия. Хотя для занятий он располагает только двумя вечерами в неделю, все-же можно позволить себе прогулять один из них, видя, как другие молодые люди зачастую не стесняются времяпровождением в праздничные вечера. После нынешнего свидания он вероятно больше никогда ее не увидит. И действительно, в виду занимавших его планов, это знакомство должно будет оборваться.

Им овладела какая-то властная рука неодолимой силы, не имевшей ничего общего с духами и внушениями, управлявшими им до сих пор. Этой силе не было дела ни до его рассудка и воли, ни до так называемых возвышенных стремлений, и она толкнула его в объятия женщины, к которой он не чувствовал уважения и жизнь которой не имела ничего общего с его жизнью.

И КАИНН ЛΙΑΘΗΚΗ моментально обратилось в ничто. Джуд вскочил и быстро собрался в путь. Предусматривая возможность подобного исхода, он уже раньше приделался в праздничный костюм.

Спустившись по тропинке в большой широкий лог и миновав несколько чахлах пихт и коттеджей, где тропинка соединялась с большой дорогой, он поспешно пошел по ней и свернул влево к браун-хаузу. Тут он услышал журчанье ручья, вытекавшего из мелового кряжа, и пробрался берегом к двору Арабеллы, где царил запах свиных закут и хрюканье виновников этого запаха. Джуд вошел в сад и постучал в дверь набалдашником своей трости.

Кто-то увидел его в окно, потому что в доме мужской голос проговорил:

– Арабелла! Твой поклонник пришел за тобою ухаживать! Выходи, голубка!

Джуд нахмурился при этих словах. Об ухаживании при такой незнакомой деловой обстановке ему и в голову не приходило. Он намеревался просто погулять с ней, пожалуй поцеловать ее, но ухаживание совсем не согласовалось с его образом мыслей. Наконец, дверь открыли и он вошел в комнаты в ту минуту, когда Арабелла сходила с лестницы, уже одетая на прогулку.

– Присядьте, м-р, как бишь вас? – пригласил её отец, видный мужчина с черными баками, тем же деловым тоном, который Джуд слышал через окно.

– Я думаю сейчас-же и идти, вы что на это скажите? – шепнула она Джуду.

– Хорошо, – сказал он. – Прогуляемся к браун-хаузу и назад. На это довольно полчаса.

Арабелла смотрела такой хорошенькой среди грязной обстановки дома, что он рад был поскорее выйти с ней на воздух и все преследовавшие его предчувствия как рукой сняло.

Сначала они карабкались на вершину высокого холма, причем Джуд помогал ей, взяв ее под руку. Затем они повернули влево вдоль холма до выхода на большую дорогу к браун-хаузу, откуда бывало, он так пламенно желал увидеть Крестминстер. Но Джуд забыл теперь эти желания. Он отдался самой заурядной болтовне с Арабеллой с таким одушевлением, какого у него не нашлось бы теперь для ученой беседы о всевозможных философских системах с любым из академических профессоров, пред которыми он еще так недавно преклонялся, и равнодушно прошел место, где падал ниц пред Дианою и Фебом, забыв даже о существовании этих мифологических лиц. Само солнце было для него теперь простым светилом, пригодным лишь для освещения хорошенького личика Арабеллы. Изумительная легкость ног так и несла его вперед; и вот Джуд, этот начинающий ученый, будущий доктор богословия, профессор, епископ и Бог знает что еще, чувствовал себя польщенным и счастливым, оттого, что эта миловидная деревенская девушка снисходительно согласилась пойти с ним на прогулку в своем воскресном наряде и лентах.

Они пришли к риге браун-хауз, конечной цели задуманной прогулки. В то время как они смотрели отсюда на расстилавшуюся к северу обширную равнину, их поразили подымавшиеся к небу густые клубы дыма, валившего из окрестностей небольшого городка, лежавшего внизу холма на расстоянии двух – трех миль.

– Ведь это пожар, сказала Арабелла. – Сбегаем посмотреть. Право! Это не далеко!

Сердце Джуда было переполнено такой нежностью, что он не в силах был противиться предложению Арабеллы, которая нравилась ему уже тем, что извиняла его за слишком долгую прогулку с нею. Они спустились с горы почти бегом; но пройдя с милю ложбиной, убедились, что место, где был пожар, отстояло гораздо дальше чем казалось издали.

Однако, раз начав свою прогулку, молодая парочка решила продолжать ее, и только к пяти часам они пришли к пожарищу, так как расстояние в общем простиралось на добрых шесть миль от Меригрина, и на три от дома Арабеллы. Пока они дошли, пожар уже кончился и, после беглого осмотра безобразных развалин, парочка пустилась в обратный путь, лежавший теперь чрез городок Ольфредстон.

Арабелла выразила желание выпить чаю, для чего они зашли в простонародную таверну. Так как заказано было не пиво, то им пришлось долго ждать. Трактирная служанка

узнала Джуда, и шепотом высказала свое удивление сидевшей за стойкой хозяйке по поводу того, что этот ученый юноша, «державший себя так странно», вдруг унился до компании с Арабеллой. Последняя догадалась, в чем дело, и встретив задумчивый и нежный взгляд своего поклонника, разразилась вульгарным и торжествующим смехом беззаботной женщины, понимающей, что она выигрывает свою игру.

Они сидели, разглядывая комнату, с висевшим на стене изображением Самсона и Далилы, стол, покрытый пивными пятнами, и расставленные на полу плевалницы с опилками. Вся эта неприглядная обстановка производила на Джуда унылое впечатление. Между тем надвигались сумерки, нельзя было оставаться здесь дольше.

– Однако, что-же еще можем мы здесь спросить? – сказал Джуд, – ведь вам еще целых три мили идти.

– Пожалуй, хоть пива, – ответила Арабелла.

– Пива, так пива, я и забыл об нем.

Джуду сильно хотелось вырваться из этой непривычной атмосферы; однако, исполняя желание Арабеллы, он потребовал пива, которое было тотчас-же подано.

Арабелла попробовала.

– Фуй, какая мерзость, – невольно сорвалось у неё.

Попробовал и Джуд.

– Не разберу, в чем дело, – признался он. – По правде сказать, я не любитель пива, и предпочитаю кофе. Но это пиво, кажется, не дурно.

– С подмесью – не могу в рот взять, – сказала Арабелла, и к не малому удивлению Джуда, тотчас-же определила, чем именно испорчено пиво.

– Однако, вы знаток! – заметил он шутливо.

Тем не менее Арабелла принялась за пиво и выпила всю свою долю, после чего они тронулись в обратный путь. Стало уже совсем темно, так что, выбравшись из сферы городских огней, они пошли бок о бок. Арабелла не понимала, почему её кавалер не идет обнявшись с него, но он на это не решался, и только собравшись с духом рискнул, наконец, предложить ей руку.

Она завладела его рукой вплоть до плеча. Он ощущал на себе теплоту её тела, и взяв трость подмышку, другой рукой держал ее правую руку.

– Как нам хорошо вдвоем, не правда-ли, голубка? – начал Джуд.

– Да, – согласилась она, подумав при этом: – Какой нежный, однако!

– Каково я разошелся! – сам на себя втихомолку удивлялся Джуд.

Так шли они до подошвы горы, где увидели пред собою полосу большой дороги, белевшей в темноте. С этого места единственный путь к домику Арабеллы шел в гору и затем снова спускался в долину. В самом начале подъема с ними почти столкнулись два человека, шедшие стороной дороги и в потьмах словно выросшие из земли.

– Это любовники, – вы встречаете их на прогулках во всякое время и во всякую погоду – любовников да бездомных собак, – проговорил один из прохожих, когда парочка исчезла в темноте.

Арабелла слегка вздрогнула.

– Разве мы любовники? – спросил Джуд.

– Вам лучше знать.

– Но не можете-ли вы сказать мне?

Вместо ответа, она склонила голову на его плечо.

Джуд принял вызов, и обняв ее, прижал к себе и поцеловал.

Теперь они шли уже не под руку, а как она желала, обнявшись. «Это ничего не значит, когда темно», подумал Джуд. Поднявшись почти до половины высокой горы, они вдруг оба,

словно по уговору, остановились и Джуд опять поцеловал ее. Наконец, они достигли вершины и тут он еще раз поцеловал Арабеллу.

Так они потихоньку подвигались к её дому. Джуд оставил свой коттедж в половине четвертого, намереваясь снова усесться за Новый Завет в половине шестого. Между тем было уже девять часов, когда, еще раз обнявшись с ней, он остановился перед крыльцом дома её отца.

Она просила его войти хоть на минутку, так как иначе покажется странным, что она гуляла вечером как будто одна. Он уступил и вошел за него. В комнате, кроме её родителей, находилось еще несколько соседей. Они все заговорили в поздравительном тоне и серьезно считали Джуда нареченным женихом Арабеллы.

Люди эти были не из его компании и Джуд почувствовал себя среди них не на своем месте. Он не рассчитывал на такую встречу; приятная послеобеденная прогулка с Арабеллой – вот все чего ему хотелось. Обменявшись несколькими словами с её мачихой, простой скромной безличной женщиной, и раскланявшись со всеми присутствующими, юноша с облегченным сердцем пустился в обратный путь.

Но скоро влияние Арабеллы вновь воцарилось в его душе. Он шел, чувствуя себя как-бы другим человеком со вчерашнего дня. Что ему теперь книги? Где его стремления, волновавшие его так пламенно, что он дрожал над каждой минутой свободного времени изо-дня в день? Но разве теперь он даром губил время: он впервые только начал жить. Лучше любить женщину, чем быть кандидатом, или пастором, или хотя-бы самим папой!

Когда Джуд возвратился домой, тетка его уже улеглась спать и ему казалось, что все кругом напоминало ему о его вине, которая заключалась в его побеге от излюбленных занятий, в нарушении установленного порядка жизни. Он поднялся к себе наверх без огня, и мрачная обстановка его комнаты произвела на него унылое впечатление. На столе лежала открытая книга в том самом виде, как он ее оставил, и прописные буквы на заглавной странице с упреком смотрели на него в лунном полусвете, подобно незакрытым глазам мертвеца:

Н ΚΑΙΝΗ ΛΙΑΘΗΚΗ.

Ему предстояло завтра рано утром идти на целую неделю в город на работу. Джуд взял книгу и для чего-то бросил ее в корзину с инструментами, словно собирался восполнить на неделе прогуленные сегодня занятия.

Свое влюбленное состояние Джуд старался скрыть даже от самого себя. Арабелла, напротив, рассказывала об этом всем своим подругам и знакомым. Выйдя при свете утренней зари на дорогу, по которой он шел еще так недавно под покровом сумерок рядом со своей милой, у подошвы горы, Джуд остановился: здесь он обменялся с него первым поцелуем. Так-как солнце только-что поднималось, то вероятно никто еще не проходил по дороге со вчерашнего дня. Джуд посмотрел на землю и вздохнул. Он нагнулся ближе и во влажной пыли различил следы их ног на том месте, где они стояли обнявшись. Арабеллы не было здесь теперь, и «воображаемый отпечаток на полотне природы» так напоминал её недавнее присутствие, что в сердце почувствовалась пустота, которую нечем было наполнить. Тут-же стояла срезанная ива, и эта ива была совсем особенная, отличная от всех других из на свете. Полное уничтожение тех шести дней, которые предстояло ему прожить до нового свидания, было-бы его сильнейшим желанием даже и в том случае если-бы ему оставалось жить на свете всего одну неделю.

Часа через полтора после Джуда по той-же дороге шла Арабелла с двумя подругами. Она миновала место их первого поцелуя и стоявшую тут иву, и не стесняясь болтала об этом эпизоде с обеими спутницами.

– А что он на это сказал тебе?

– Он сказал... – И она передала почти слово в слово некоторые из самых нежных его выражений. Если-бы Джуд слышал, как без утайки передавались почти все его слова и поступки, ознаменовавшие вчерашний вечер, он был-бы очень и очень удивлен.

– Клянусь, что ты совсем победила его сердце! – многозначительно заявила Эни. – Хотела бы я быть на твоём месте!

Арабелла ответила грубым, вызывающим тоном скрытой чувственности:

– Да, конечно он ухаживает за мной! Но ухаживания мне мало; я хочу чтоб он женился на мне! Он должен быть моим. Я не могу жить без него. Он именно такой человек, какого я желаю. Я с ума сойду, если не сумею отдаться ему вся без остатка! Я это почувствовала при первой же встрече!

– Малый он мечтательный, прямой и честный, а потому ты можешь сделать его и своим мужем, если настоящим манером поведешь на него атаку.

Арабелла на минуту задумалась.

– А что значит – настоящим манером? – спросила она.

– Ужь будто и не знаешь! Как-бы не так! – вмешалась другая подруга, Сара.

– Право же не знаю!

– Все дело только в том, чтобы со своими нежностями и ухаживанием он зашел подальше, *слишком* далеко!

Сара посмотрела на Эни.

– Слышишь-ли, она не знает!

– Видно и в правду не знает! – сказала Эни.

– А еще жила в городе, – подумаешь! Ну ладно же, мы тебя можем поучить кое-чему, не хуже чем ты нас.

– Хорошо. Так какое-же вы думаете верное средство овладеть мужчиной?

– Сделать его своим мужем, – сказала Эни.

– Ну да, сделать мужем, – подтвердила Сара.

– Сделать своим мужем деревенского кавалера благородного и приличного характера, вот как твой обожатель. Сохрани меня Бог рекомендовать какого-нибудь солдата или моряка или городского торговца или другую какую шуштуру, что тянут канитель с бедными девушками! Ужь больно не люблю я таких бесполезных шашней!

– Ну хорошо, такого как он, конечно! – согласилась Арабелла.

Обе подруги при этом сначала лукаво перемигнулись между собой, а затем одна из них приблизилась к Арабелле, хотя посторонних свидетелей не было, и шепнула ей кое-что на ушко, причем другая с любопытством следила за выражением лица Арабеллы.

– Ах, вот что! – с расстановкой протянула Арабелла. – Признаюсь, об этом я и не думала... А ну как обожатель-то окажется не благородный, тогда каково? Девушке, по моему, лучше не испытывать этого средства!

– Волков бояться – в лес не ходить! К тому же, кто тебе мешает прежде всего хорошенько убедиться в его благородстве. С твоей головой не попадешь в просак. Я хоть сейчас пошла-бы на это! Сколько бедных девушек этим берут, а иначе, разве пришлось-бы им выйти замуж когда-нибудь, – как ты думаешь?

Арабелла задумалась и молча продолжала свой путь. – Попробую! решила она про себя.

IX.

Прошло еще два месяца, в продолжение которых наши молодые люди почти ежедневно виделись между собой. Арабелла казалась недовольной; она все мечтала, чего-то ждала и чему-то удивлялась.

Раз как-то она встретилась со странствующим Вильбертом. Она, подобно всем окрестным обитателям коттеджей, хорошо знала этого шарлатана, и они разговорились об её житье-бытье. Ей было скучно, но, прощаясь с доктором, она стала веселее. Вечер она провела на условленном свидании с Джудом, который казался озабоченным и грустным.

– Я уезжаю отсюда, – объявил он ей. – Мне следует удалиться; это будет лучше, как для вас, так и для меня. Я сожалею, что между нами начались известные отношения. Хорошо понимаю, что заслуживаю всякого порицания. Но, как говорит пословица: никогда не поздно раскаяться.

Арабелла разразилась слезами.

– С чего вы вообразили, что теперь уже не поздно? – набросилась она на него. – Вам легко говорить, а каково мне слушать. Я еще вам не призналась! – и она посмотрела на него пристальным взглядом.

– В чем такое? – спросил он, бледнея. – Вы?..

– Да! и что я буду делать, если вы бросите меня!

– Ах, Арабелла, как можете вы говорить это, дорогая моя! Вы знаете, что я не покину вас!

– Ну, хорошо-же...

– Вам известно, что я в настоящее время еще не получаю жалованья; положим, мне следовало подумать об этом раньше... Но, конечно, раз это случилось, нам надо жениться! Неужели вы думали, что я мог поступить иначе?

– Я думала... я думала, милый, что вы из-за этого только скорей уедете и оставите меня одну на такое дело.

– Как-же мало вы меня знаете! Положим, шесть месяцев и даже три месяца тому назад, мне и во сне не грезилась женитьба. Это вдребезги разбивает мои планы – я разумею, Эбби, те планы, которые занимали меня до знакомства с вами. Но, в сущности, что это за планы? Мечты о книгах, дипломах, о недоступной карьере и т. п. Разумеется, мы женимся; ведь, это наш долг!

В этот вечер Джуд вышел один, когда стемнело, и шел, углубившись в размышления. Он хорошо, даже слишком хорошо сознавал в глубине души, что Арабелла была не особенно достойной представительницей женского пола. Но раз, в деревенской жизни, между порядочными молодыми людьми, зашедшими, как и он, слишком далеки в сближении с женщиной, существовал на этот счет установившийся обычай, то он готов был искупить вину браком, взяв на себя последствия. Для своего собственного успокоения, он поддерживал в себе искусственную веру в Арабеллу. В его глазах главное значение имела идеализация Арабеллы, а не она сама, как лаконически признавался он себе иногда.

В первое-же воскресенье состоялось церковное оглашение. Прихожане все в один голос дивились непростительной глупости молодого Фолэ. Все его учение привело к тому, что ему придется продавать свои книги для покупки кухонных горшков. Те-же, которые догадывались о настоящем положении дела, и в числе их родители Арабеллы, объявили, что они ожидали этого конца от такого благородного молодого человека, как Джуд, для искупления ошибки, которую он позволил себе в отношении невинной девушки. Венчавший их пастор, по-видимому, считал это тоже похвальным делом.

Итак, стоя перед пастором, они оба клялись, что во все прочее время их жизни они будут неизменно верить друг в друга и любить точно так-же, как они взаимно верили и любили в продолжении последнего времени. Но всего замечательнее во всей церемонии было то, что, по-видимому, никто из свидетелей не удивлялся тому, в чем клялась эта парочка.

Тетка Джуда, в качестве булочницы, сделала ему свадебный пирог, сказав при этом с горечью, что это её последний дар ему, несчастному глупому парню, и что было-бы гораздо лучше, еслиб он, вместо нелепой жизни для её огорчения, давно улегся-бы в могилу вместе с своими родителями. От этого пирога Арабелла отрезала два куска, и, завернув их в белую бумагу, послала своим товаркам по колбасному ремеслу, Эни и Саре, написав на каждом пакете: «На память о добром совете».

Будущность новобрачной четы представлялась, конечно, не особенно блестящей даже для самой пылкой головы. Он, ученик каменотеса, девятнадцати-летний мальчик, работал за половинное жалованье до окончания срока выучки. Его жена была положительно бесполезной

в городской квартире, где, по мнению Джуда, им первое время пришлось-бы жить. Но настоятельная необходимость в прибавлении заработка при таких маленьких средствах, заставила его поселиться в уединенном придорожном коттедже между Браун-хаузом и Меригрином, чтобы, для подспорья, иметь собственный огород, а также, пользуясь готовым опытом жены, завести ей свинью. Но это была не та жизнь, к которой он стремился, да к тому-же далеко было ходить в Ольфредстон и обратно. Арабелла, напротив, сознавала, что все эти неудобства временные, главное было то, что она получила мужа, со способностью к заработку для покупки ей обновок и шляп, когда он начнет немножко тревожиться за нее и, занявшись своим ремеслом, отбросит в сторону эти дурацкие книги для каких-нибудь практических предприятий.

Итак он привел ее в коттедж в самый день свадьбы, покинув свою старую комнатку у тетки, где ушло столько настойчивого труда на изучение греческого и латинского языков.

Легкая дрожь пробежала у него по спине, когда Арабелла в первый раз раздевалась при нем. Длинную косу, которую она скручивала огромным узлом на затылке, она бережно распустила, встряхнула и повесила на зеркало, купленное ей Джудом.

– Что это – коса была не твоя? – спросил Джуд с неожиданным отвлечением к ней.

– Конечно, нет, – приличные дамы теперь никогда не носят своих кос.

– Что за вздор! Разве в городах, но в провинции совсем другое дело. К тому-же у тебя, вероятно, и своих волос достаточно? Ну да, конечно так!

– По деревенским понятиям, может быть, и достаточно. Но в городах кавалеры ожидают больше, и когда я была служанкой в Ольдбригэме...

– Разве ты была служанкой?

– Не то что прямо служанкой, а я служила в трактире и подавала гостям пиво, да и то самое короткое время. Вот и все. Некоторые посетители советовали мне носить подвязную косу, и я купила ее просто ради шутки. Чем больше на девушке украшений, тем лучше живется в Ольдбригэме, а этот красивый городок почище всех твоих Кристминстеров. Каждая приличная дама носит подвязную косу, – мне в парикмахерской сам цирюльник так сказывал.

Джуд с чувством брезгливости подумал, что все это, может быть, до некоторой степени и справедливо, ибо и сам он был убежден, что если многие скромные девушки переселяются в города, где и живут по годам, не утрачивая обычной простоты жизни и уборов, зато у других, увы, уже в самой крови таится какой-то инстинкт к искусственному уродованию себя разными придатками, и они начинают подделывать свою красоту при первом её проблеске. Впрочем, может быть, для женщины и не составляет большего греха дополнять свои волосы чужими, и он решил более об этом не думать.

Молодая жена обыкновенно может быть интересной после брака, даже в том случае, когда домашняя жизнь еще не установилась и находится в неблагоприятных условиях. В её новом положении есть известная пикантность, заставляющая ее в обращении забывать мрачную сторону жизни, и потому самая бедная жена чувствует себя порвое время выше угнетающей ее действительности.

Мистрис Фолэ, в качестве молодой хозяйки, ехала как-то в базарный день в тележке, по улицам Ольфредстона, и здесь встретила свою прежнюю подругу, Эни, с которой не видалась с самой свадьбы.

Прежде чем заговорить, они по обыкновению засмеялись; мир казался им слишком веселым без всяких слов.

– Итак, кажется, вышло хорошее дельце! – заметила Эни молодой женщине. – Я знала, – продолжала она, – что с таким малым это удастся. Он – душа человек, и ты должна им гордиться.

– Я и горжусь, – равнодушно ответила мистрис Фолэ.

– А когда ждешь?..

– Тс! я вовсе не жду.

– Что-же это значит?

– Я ошиблась, вот и все.

– Ах, Арабелла, Арабелла, женщина ты умная и вдруг ошиблась! Признаюсь, о такой штуке мне никогда и в голову не приходило при всей моей опытности! И какой-же в этом может быть стыд, в самом деле!

– Пожалуйста, не спеши мне кричать про стыд! Это вовсе не от стыда, а просто я не знала.

– Поверь моему слову – эдак ты его упустишь! Ведь он может сказать, что это был обман, да еще двойной, клянусь тебе!

– Я готова признаться в первом, но не во втором... Э, он об этом и не подумает! Он будет рад, что я ошиблась. На такие пустяки он махнет рукой, право, – у мужчин это всегда так. Да я как им поступить иначе? Уж коли женат, – так женат.

Тем не менее Арабелла не без некоторого беспокойства приближалась к тому времени, когда по естественному ходу вещей ей придется объявить мужу, что возбужденная его тревога оказалась неосновательной. Эта необходимость неожиданно представилась, однажды вечером, в то время, когда они собирались спать, и оба находились в своей комнате в уединенном домике, куда Джуд ежедневно возвращался с своей работы. Он усиленно работал в этот день двенадцать часов сряду, и ушел спать прежде жены. Когда та вошла в спальню, он уже лежал в полудремоте, едва сознавая, что жена раздевается перед маленьким зеркальцем.

Впрочем, вскоре её гримасы перед зеркалом невольно возбудили его внимание. Джуд заметил, что она изощрялась в том, чтобы вызвать на щеках те ямочки, о которых уже упоминалось прежде. На эту курьезную прикрасу она была мастерица, вызывая ямочки моментальным всасыванием щек.

– Не делай этого, Арабелла! – вмешался он неожиданно. – Мне, право, не нравится видеть тебя за таким вздорным занятием.

Она обернулась и засмеялась.

– Господи, я и не воображала, что ты не спишь! – ответила она. – Какая-же ты деревенщина, однако, что за охота обращать внимание на такие пустяки.

– У кого ты этому научилась?

– Решительно ни у кого. Ямочки у меня всегда бывали без всяких хлопот, когда я служила в пивной, а теперь исчезли. Тогда и лицо мое было полнее.

– А для меня не нужно никаких ямочек. Я не думаю, чтоб они красили женщину, особенно замужнюю, да еще такую полную, как ты.

– Однако, многие думают иначе.

– А что мне за дело, как думают другие, кому охота? – возразил Джуд. – Как это ты додумалась до таких затей, интересно-бы знать?

– Мне об этом говорили, когда я служила в пивной.

– Ага, эта служба и объясняет теперь твое понимание подмеси в пиве, когда мы, помнишь, как-то воскресным вечером спросили себе пиво в гостиннице. А я полагал, когда женился на тебе, что ты всегда жила в доме своего отца.

– Ты мог-бы думать немного лучше обо мне и заметить, что я была приличнее, нежели какого была-бы, оставаясь в деревне. Дома мне почти нечего было делать; я изнывала от скуки, и потому поступила на место на три месяца.

– Скоро тебе предстоит куча дела, милая, не так-ли?

– Что ты этим хочешь сказать?

– Ну, да как-же, – произвести на свет маленькое существо.

– А...

– Когда это будет? Не можешь ли сказать точно, а не в общих выражениях, как говорила до сих пор?

– Да что сказать, – что?

- Ну, срок, когда...
- Тут нечего и говорить. Я ошиблась.
- Что?!

– Ну, вышла ошибка, и все тут.

Джуд вскочил с постели и устремил пристальный взгляд на жену.

- Но как-же это могло быть?
- Очень просто. Женщинам иногда так представляется.

– Однако, это чорт знает что такое! – горячился Джуд. – Ведь ты-же понимаешь, что совсем не приготовленный, без обстановки, почти без гроша в кармане, я не стал-бы спешить с нашей свадьбой и вводить тебя в почти пустую хату, и только твое тревожное заявление заставило меня действовать, очертя голову, не думая ни о какой готовности... Ах, Боже мой милостивый!

– Не волнуйся так, милый. Что сделано, того не переделать.

– Больше мне нечего объясняться, – ответил он просто и улегся опять, после чего молчание между ними не нарушалось.

Проснувшись по утру, Джуд смотрел её все окружающее как будто другими глазами. Что-же касалось спорного вопроса, то он принужден был положиться на слова жены, сознавая, что при данных, обстоятельствах он не мог поступить иначе.

Джуду смутно представлялось, что есть что-то фальшивое в социальных условиях, и что эта фальшь требует многих уступок и жертв, и все из-за мимолетного взрыва, вызываемого новым и преходящим инстинктом, который, не заключая в себе признаков порока, все-же не может быть назван иначе, как слабостью. Он старался уяснить себе, что он сделал своим поступком, или что его жена потеряла из-за него, чтобы он мог оказаться пойманным в ловушку, благодаря которой, если не им обоим, то по крайней мере ему предстояло быть связанным во все остальное время жизни. Быть может, было нечто благоприятное в том, что обстоятельство, побудившее его жениться, оказалось несуществующим. Но факт женитьбы все-таки остался.

Х

Пришло время убить свинью, которую наши молодые откармливали с осени, и время заклания было назначено на самом рассвете, так чтобы Джуд мог отправиться в Ольфредстон, не теряя особенно много времени.

Ночь казалась необыкновенно тихой. Джуд выглянул из окна задолго до рассвета, и заметил, что земля была покрыта довольно толстым слоем снега, хлопья которого еще продолжали падать.

– Боюсь, что мясник, пожалуй, не придет, – сказал Джуд Арабелле.

– Э, придет. А ты вставай и нагрей воду, если хочешь, чтобы Чалло ошпарил свинью. Хотя я предпочитаю паленых.

– Сейчас встану, – ответил Джуд. – Я люблю наши местные обычаи.

Он спустился с лестницы, развел огонь под котлом, подкладывая под него содому, причем огонь весело вспыхивал и освещал кухню. Но для него приятное ощущение тепла отравлялось мыслью о назначении этой топки вскипятить воду для убоя животного, которое было еще живо и напоминало о себе хрюканьем из хлева. В половине седьмого, – время, которое было назначено для прихода мясника – вода вскипела и Арабелла сошла в кухню.

– Чалло пришел? – спросила она.

– Нет!

Пришлось поджидать, а между тем уже начинало светать унылым зимним рассветом.

Арабелла вышла взглянуть на дорогу и, возвратившись, сказала: Не видать его. Верно, напился с вечера. Такой снег не мог бы помешать ему придти, конечно!

– В таком случае, нам надо отложить дело. Только даром воду кипятили. Может быть, в долине снег глубок!

– Отложить нельзя. Больше нет корма. Еще вчера утром я стравила последнюю болтушку.

– Вчера утром? Чем же свинья жива с тех пор?

– Да ничем!

– Значит, она околевает с голоду?

– Понятно. Мы всегда так делаем за день или за два до убоя, чтобы не возиться с кишками. Что за невинность не знать таких простых вещей!

– Вот почему она так и кричит, бедняжка!

– Об этом разговаривать нечего – ты должен заколоть ее. Я покажу тебе как. Хотя свинья такая крупная, что Чалло справился-бы с нею лучше, чем ты. Впрочем, его корзинка с ножами и прочими принадлежностями уже доставлена и мы можем ими воспользоваться.

– Все-таки, это совсем не твое дело, – возразил Джуд. – Я сам заколю, если уж это необходимо.

Он вышел к закуте, разгреб снег, чтобы очистить место, и поставил впереди козелки, положив подле ножи и веревки. Какая-то птичка с соседнего дерева присматривалась к приготовлениям, но недовольная мрачным видом этой сцены, улетела прочь, не смотря на то, что была голодна. Между тем Арабелла подошла к мужу, и Джуд, с веревкой в ругсе войдя в закуту, стреножил испуганное животное, которое сначала захрюкало, потом стало неистово и озлобленно визжать. Арабелла отворила закуту, и они вместе взвалили жертву на козелки ногами вверх, и пока Джуд придерживал свинью, Арабелла привязала ее, замотав ей ноги, чтобы она не могла барахтаться.

Визги свиньи изменились. Теперь уж они выражали не ярость, а вопли отчаяния; протяжные, глухие и безнадежные.

– Клянусь тебе, Арабелла, что я рад был-бы отказаться от свиньи, лишь бы не брать на себя такого живодерства! – протестовал Джуд. – Ведь эту несчастную тварь я кормил собственными руками.

– Пожалуйста, не будь таким неженкой и слюняем, вот ножик для убоя, он с острым концом. Смотри только, как начнешь закалывать, не запускай слишком глубоко.

– Заколю, как нужно, чтобы кончить в момент. Это главное.

– Что ты, что ты, разве так делают! – вскрикнула Арабелла. Чтобы мясо не вышло кровавое, надо чтобы свинья уходилась не скоро. Ведь нам убыток, если мясо будет красное и кровавое. Слегка проколи глотку, вот и все. Я на этом выросла и знаю дело. Хороший мясник всегда дает долго стекать крови. Надо, чтобы свинья билась по крайней мере десять минут.

– Если сумею, не дам ей и минуты мучиться, какое-бы там мясо ни вышло, – возразил решительно Джуд. Пovyдергав с подпертой шеи свиньи щетину, как он это видел делают мясники, он надрезал сало, и со всей силой вонзил нож в горло.

– О, чорт побери! – вскрикнула Арабелла; с тобой поневоле выругаешься! Таки всадил глубоко, когда я только и толковала тебе...

– А ты успокойся-ка лучше, да имей хоть немножко жалости к животному!

Джуд исполнил это дело, если и не по настоящему, то по крайней мере сострадательно. Кровь стекала ручьями, а не тонкой струйкой, как хотела того Арабелла. Свинья чуть вздрагивала в последней агонии, и её блестящие глаза уставились на Арабеллу с выразительным упреком несчастной жертвы, понявшей, наконец, предательство тех, кого она считала своими единственными друзьями.

Но Арабелле надоело слушать хрипенье свиньи, она быстро подняла брошенный Джудом ножик и воткнула его в шею свиньи, перехватив дыхательное горло. Свинья, разумеется, тотчас же стихла.

– Вот так-то лучше, – спокойно сказала Арабелла.

– Отвратительно! – вырвалось у Джуда.

– На то и свиньи, чтоб их резать.

Однако, последний удар Арабеллы явился так неожиданно, что Джуд, растерявшись, опрокинул ногой блюдо, в которое стекала кровь.

– Ну вот! неистово кричала жена. – Теперь у меня не выйдет кровяных колбас. Опять убыток, и все из-за тебя!

Джуд поправил блюдо, но почти вся собранная кровь разлилась по снегу, имевшему теперь неприятный грязный вид.

Вдруг им послышался чей-то голос вблизи.

– Славно сделано, молодая парочка! Я сам не мог-бы чище сработать, честное слово!

Этот хриплый голос доносился из-за сада, и оглянувшись они увидели тучную фигуру м-ра Чалло, облокотившагося на ограду и критически наблюдавшего за их работой.

– Вам хорошо стоять да зубоскалить! – напустилась на него Арабелла. – Из-за того, что вы опоздали, мясо вышло кровавое и на половину испорчено. Кроме убытков ничего и не вышло!

Чалло пустился в извинения. – Вам надо было маленько обождать, – сказал он, покачивая головой, – и самим не хлопотать с таким делом, особенно в вашем настоящем положении, сударыня. Вы этим слишком много рискуете.

– Ну вам до этого дела нет, – возразила Арабелла, улыбаясь. Джуд тоже усмехнулся, но в его усмешке просвечивало какая-то горечь.

Чалло старался загладить свою манкировку усердной отделкой туши. Джуд досадовал на себя, что взялся за такое отвратительное дело, хотя и сознавал, что свинье было-бы не легче, если-б ее заколол другой. Значит, правду сказала жена, назвав его неженкой и слюняем.

После этого случая, ему опротивела дорога в Ольфредстон. Казалось, она смотрела на него с каким-то циничным упреком. Предметы по сторонам дороги так сильно напоминали ему его ухаживание за женой, что, не желая смотреть на них, он старался больше читать по пути в город и обратно. Раз как-то, проходя по берегу речки, на том месте, на котором он впервые познакомился с Арабеллой, Джуд услышал женские голоса, совершенно так, как бывало в то прежнее время. Одна из девушек, бывшая подруга Арабеллы, говорила в сарае с другой подругой, при чем предметом разговора был сам Джуд, быть может, именно потому, что они увидели его издали. Девушки, понятно, не сообразили, что стены сарая так предательски тонки и что проходивший Джуд легко мог слышать речи.

– Как-ни как, а это я подбила ее на ту штуку! Волков бояться – в лес не ходить, сказала я ей. Если-б я ее не надоумила, она бы так прокисла в девках, по-нашему.

– А я так думаю, что она знала раньше...

На что такое подбила Арабеллу эта подруга, что он должен был сделать ее своей женою? Этот намек был до того возмутителен, что Джуд, придя домой, вместо того, чтобы войти в коттедж, с сердцем швырнул свой инструмент за калитку и ушел, с намерением навестить старую тетку и у неё поужинать.

Это посещение заставило его сильно запоздать возвращением домой. Впрочем, Арабелла, пробыв весь день на прогулке, замешкалась с своей работой и потому еще хлопотала с вытопкой сала от убитой свиньи. Не желая побраниться с женой по поводу слышанного им, Джуд говорил мало. Зато Арабелла была очень болтлива и между прочим сказала, что ей нужны деньги. Заглянув в расчетную книжку, торчавшую из его кармана, она заметила ему что он должен зарабатывать больше.

– Жалованье ученика, моя милая, вовсе не рассчитано на то, чтобы его обязательно хватало на содержание жены.

– Тогда не зачем было жениться.

– Полно, Арабелла! Скверно говорить такие вещи, раз ты знаешь, почему это случилось.

– Я поклянусь, чем хочешь, что когда объявила тебе о своем положении, то думала, что это правда. Доктор Вильберт был того-же мнения. Тебе-же на руку вышло, что это не подтвердилось!

– Я понимаю совсем не это обстоятельство, а другое, более раннее, – возразил он поспешно. – Верю, что это была не твоя вина; но прежняя твои подруги дали тебе дурной совет. Еслиб они тебе не давали его, или еслиб ты его не приняла, мы в эту минуту были-бы свободны от союза, который, говоря правду, страшно душит нас обоих. Это, может быть, очень неприятно, но верно.

– Кто сказал тебе о моих подругах? Какой совет? Я требую твоего ответа.

– Ну, уж избавь, я объяснять не желаю.

– Но ты должен, ты обязан сказать. Иначе, это будет подло с твоей стороны.

– Ну хорошо, – согласился Джуд, и деликатно передав подслушанный разговор, просил больше об этом не говорить.

Резкий тон Арабеллы теперь смягчился. – Это пустяки. – сказала она с равнодушной улыбкой. – Всякая женщина имеет право так поступить. Риск ведь на её стороне.

– Это право я безусловно отрицаю, Белла. Женщина имеет право поступить так только в том случае, если её поступок не навлекает пожизненного наказания на мужчину, а мужчина, – если не навлекает того же на женщину, т.-е. если увлечение минуты может и кончиться этой минутой, или хотя-бы одним годом. Но когда последствия простираются так далеко, женщина не в праве расставлять сетей, в которые попадает или мужчина, если он честен, или сама она, если он человек иного рода.

– Что-же мне следовало делать по твоему?

– Дать мне время приготовиться. – Однако, что это ты ночью развозилась с этим салом? – нетерпеливо закончил он неприятный разговор. – Пожалуйста, оставь это.

– Тогда мне придется завтра работать, а то оно может испортиться.

– Ну, ладно, убирай; успеешь и завтра, – решил Джуд.

XI

На другое утро, в воскресенье, Арабелла опять принялась за перегонку сала, а эта работа подала ей повод возобновить вчерашний неприятный разговор, приведший ее в прежнее сварливое настроение.

– Так вот что говорят обо мне в Меригрине, – я тебя в ловушку поймала? Было что и ловить, нечего сказать! задирала она Джуда. Занятая топлением сала, она увидела несколько его ценных книг на столе, где им не следовало лежать. – Я не хочу, чтоб эти книги валялись тут! – крикнула она грубо, и, схватывая их одну за другую, начала швырять на пол.

– Оставь мои книги в покое! – унимал ее Джуд. – Ты должна была отложить их в сторону, если они мешают тебе, но пачкать их так – глупо! За неопрятной работой руки Арабеллы были засалены, и потому пальцы её оставляли весьма заметные следы на книжных обложках. Но она продолжала, не стесняясь, сбрасывать книги на пол, пока выведенный из терпения Джуд не схватил за руки слишком расходившуюся жену. При этом укрощении он как-то нечаянно задел её косу, которая распустилась по плечам.

– Пусти! – вскрикнула Арабелла.

– Обещай не трогать моих книг.

Она колебалась. – Пусти меня! – повторила она.

– Обещай!

После маленькой паузы, она наконец сдалась: – Ну, обещаю, только пусти.

Джуд оставил её руки, а она сейчас-же вышла из дому и очутилась на большой дороге уже с заплаканным лицом. Здесь она начала метаться из стороны в сторону, нарочно растегнув лиф и растрепав еще больше волосы. Было чудное воскресное утро, сухое, ясное и морозное, и по ветру доносился колокольный звон из Ольфредстонской церкви. Народ шел по дороге, одетый в праздничные наряды, здесь была преимущественно молодежь, такие же парочки, или как были еще так недавно Джуд и Арабелла, когда прогуливались по этой-же дороге. Они заглядывались невольно на необычайный вид Арабеллы, расхаживавшей без шляпки, с развевающимися по ветру волосами, с растегнутым лифом, с высоко засученными рукавами и сильно лоснившимися от сала руками. Один из прохожих даже проговорил брезгливо: – Господи помилуй нас грешных!

– Посмотрите, что муж сделал со мною! – вопила Арабелла. – Заставил меня работать в воскресенье, когда мне надо было идти в церковь, растрепал все волосы, да еще платье чуть не изорвал!

Джуд был возмущен этим безобразием и вышел, чтобы силою втащить ее домой. Затем, мало-помалу, его раздражение улеглось. Успокоенный сознанием того, что между ними все кончено и потому решительно все равно, как-бы они ни вели себя по отношению друг к другу, Джуд молча глядел на жену. Счастье их разрушено, думал он, разрушено роковой ошибкой их брачного союза; они виноваты в том, что заключили пожизненный договор, основываясь на временном чувстве, не имевшем ничего общего с взаимной симпатией, которая одна только делает сносным пожизненное сожительство.

– Однако, ты начинаешь унижать меня по готовым примерам, как твой отец унижал твою мать, а сестра отца твоего унижала своего мужа, – язвительно упрекала она его. – В вашем роду видно все были такими-же хорошими мужьями и женами.

Джуд невольно остановил на жене пристальный удивленный взгляд. Но она замолчала и продолжала расхаживать взад и вперед по комнате до тех пор, пока не утомилась. Он отошел от неё и, пройдя несколько минут в раздумье, направился в Меригрин. Здесь он зашел к своей старой тетке, становившейся с каждым, днем все слабее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.